

Слепой. Один в темноте

Автор:

Андрей Воронин

Слепой. Один в темноте

Андрей Николаевич Воронин

Слепой #52

В боевике Андрея Воронина «Слепой. Один в темноте» перед ФСБ вновь встает проблема, решить которую под силу одному только Глебу Сиверову по кличке Слепой. Герой вступает в смертельную схватку с преступниками, и выхода как будто нет... Но он пройдет все испытания. Он выйдет победителем в дуэлях со смертью...

Андрей Воронин

Слепой. Один в темноте

Глава 1

© Составление. Оформление ООО «Харвест», 2010

* * *

Проснувшись, он испытал легкое беспокойство, поскольку не понял, где находится.

Это чувство легкой дезориентации в пространстве, наверное, знакомо каждому. Вы просыпаетесь в гостиничном номере или на диване в собственной квартире (после ссоры с женой, например, а то и просто после лишней бутылки пива, выпитой перед телевизором во время футбольного матча) и в течение какого-то промежутка времени не можете сообразить, где и, главное, каким образом очутились. Чтобы его испытать, достаточно просто улечься спать на другой стороне кровати или перевернуться ногами к изголовью, а потом проснуться в темноте или хотя бы при неполном освещении. Вы протягиваете руку, нащупываете пустоту там, где всегда была стена, и, еще не проснувшись до конца, понимаете: я не там, где привык (а значит, должен) находиться.

Дезориентация в пространстве вызывает легкий испуг, за которым следует адреналиновый выброс, прогоняющий остатки сна и мгновенно расставляющий все по своим местам: вы осознаете, где находитесь, вспоминаете, каким ветром вас сюда занесло, и успокаиваетесь.

В данном конкретном случае ничего подобного не произошло. То есть дезориентация, испуг и выброс в кровь энного количества адреналина имели место быть и последовали друг за другом в строгой, установленной самой матерью-природой очередности. Только вот ситуация от этого нисколько не прояснилась.

Вокруг него царил крошечная тьма, не разжиженная ни единым лучиком света. Тишину нарушал доносящийся со всех сторон разноголосый, то глухой и мягкий, то звонкий и отчетливый, перестук капель. Воздух был сырым и зловонным, а в бок, на котором он лежал, больно врезалось что-то твердое и угловатое. Словом, где бы он ни находился, его спальней это место точно не являлось.

Попытка переменить позу вызвала новый испуг, настолько сильный, что это уже смахивало на панику: оказалось, что руки у него связаны за спиной и, судя по ощущениям, стянуты с лодыжками, да так, что пошевелить он мог разве что головой. Он хотел крикнуть, но из заклеенного липкой лентой рта вырвалось только сдавленное мычание. На пробу несколько раз дернувшись и убедившись, что стягивающие его путы накладывал настоящий мастер своего дела, он прекратил бессмысленную (и притом весьма болезненную) возню и попытался хоть как-то разобраться в том, что более всего напоминало кошмарный сон.

Несколько глубоких, на все легкие, вдохов и выдохов помогли вывести из крови излишек адреналина и подавить панику. Мысли перестали беспорядочно скакать

в охваченном ужасом и недоумением мозгу, и лежащий на сыром и грязном бетонном полу связанный человек, хоть и с трудом, но все же заставил себя вспоминать по порядку и рассуждать логически. В конце-то концов, он считался очень неплохим программистом, и логика была для него всем – и хлебом насущным, и основой мировоззрения, и любимым коньком.

Он отлично помнил минувший день – скажем так, до какого-то момента. Воспоминания о нем были похожи на луч прожектора, который, исходя из некой четко обозначенной в пространстве и времени точки – семь утра, спальня, кровать, звонок будильника, посещение санузла, утренний кофе – тянулся вдаль, постепенно становясь все шире и слабее, пока окончательно не терялся в темноте. Он позавтракал, добрался до работы, провернул давно наклевывавшуюся выгодную сделку, получил (вот неожиданный сюрприз!) электронное послание от Мальвины и наконец-то назначил ей свидание. Соплячка две недели дразнила его игривыми записочками, регулярно приходившими по электронной почте, под различными предложениями уклоняясь от личной встречи. Между тем упомянутые записочки содержали такие намеки, такие двусмысленности, что он иногда начинал сомневаться: полно, да в самом ли деле ей всего двенадцать лет? Если да, то она либо чересчур хорошо развита даже для представительницы своего перекормленного информацией поколения, либо, наоборот, до того глупа, что сама не понимает, о чем пишет, с чем шутит и какими вещами играет.

И то, и другое было весьма неплохо, разве что продвинутая нимфетка, точно знающая, чего хочет, могла не удовлетвориться кульком конфет или поездкой в автомобиле. Чрезвычайно распространившийся в последние десятилетия всеобщий меркантилизм, в том числе и детский, слегка удручал: новую сексуальную игрушку уже нельзя было увлечь ролевыми играми или просмотром видеофильмов, да и запудрить мозги пустой болтовней нынешнему подростку уже не так легко, как прежде. А с другой стороны, там, где все решают деньги, с людьми гораздо проще договориться – надо только знать, что почем, и уметь торговаться.

Торговаться Артемон (такой псевдоним Антон Нагибин выбрал на этот раз, просто не сумев удержаться) умел – сказывался богатый опыт, не так давно едва не обошедшийся ему в энное количество лет лишения свободы. Тот раз, когда его чуть было не посадили, сделал его предельно осторожным: за проволоку он не хотел, тем более что хорошо знал, что там, за проволокой, происходит с насильниками и педофилами. Именно потому, что не хотел рисковать, он

позволил малолетней сучке, подписывавшей свои электронные послания ником «Мальвина», полных две недели играть с собой, как с сопливым одноклассником.

И она таки отвела на нем душу. Читая ее послания, Антон постоянно задавался вопросом: если девчонка так мастерски вертит мужиками в двенадцать лет, что же будет, когда она повзрослеет и наберется опыта? Ее письма и фотографии, на первый взгляд вполне невинные, а при более внимательном рассмотрении почти такие же развратные, как самое откровенное порно, действовали на него похлеще самого мощного афродизиака, заставляя по ночам часами ворочаться с боку на бок, а затем, в качестве последнего средства, прибегать к известному всякому здоровому мужчине способу снятия напряжения. О, что она с ним творила, эта маленькая мерзавка!

Впрочем, сучкой, мерзавкой и иными, порой куда более сильными эпитетами Антон называл Мальвину только мысленно и исключительно в минуты вызванного ее уклончивостью раздражения. На самом-то деле он относился к ней так же, как и ко всем своим прежним партнершам (а случалось, что и партнерам) – с трепетной отеческой нежностью, которая сохранялась еще пару дней после того, как он добивался желаемого. Потом интерес к очередному объекту начинал угасать, и Артемон снова пускался на поиски – входил в Интернет или, напротив, выходил из квартиры и рыскал по улицам, как охотничий пес, вынюхивающий след желанной дичи.

А Мальвина была желанной, и за две недели переписки желание Антона Нагибина возросло многократно. Есть на свете женщины, которые, не будучи писаными красавицами, не блистая умом или какими-либо ярко выраженными талантами, буквально сводят мужчин с ума. Такая способна за две минуты, не прилагая к тому ни малейших усилий, а порой и против собственной воли, превратить седого профессора с безупречной (а главное, целиком и полностью оправданной) репутацией прекрасного семьянина во взбесившегося самца, который не в состоянии думать ни о чем, кроме примитивнейшей случки. Мальвина обещала со временем стать одной из ярчайших представительниц этой породы; упрятанный в ее хрупком, не до конца сформировавшемся детском тельце сверхмощный заряд сексуальных флюидов передавался даже через километры проводов и оптических волокон, заставляя Антона терять хладнокровие и скрежетать зубами от неутоленной жажды обладания. Ее бледное, будто фарфоровое, голубоглазое личико в обрамлении рыжеватых вьющихся локонов и приоткрытый, словно от изумления, ротик с пухлыми розовыми губками сулили райское, ни разу до сих пор не испытанное

наслаждение. Это была сама невинность, мечтающая быть попанной и растоптанной, давно разработавшая подробный, полный сладострастных деталей план своего попанья и изнывающая в ожидании момента, когда оно, наконец, произойдет.

Словом, это было как раз то, чего искал Антон Нагибин. Будучи человеком неглупым, он, конечно же, осознавал, что это ощущение приближения к воплощенной мечте возникало у него всякий раз, когда очередная охота близилась к завершению, но это ничего не меняло: он все равно чувствовал себя археологом, раскопавшим собственную Трои, и наслаждался этим чувством. Возможно, именно ради этого чувства он и выходил на охоту; возможно, именно ради него он и жил – ну, по крайней мере, отчасти.

Их письма друг другу постепенно становились все откровеннее. Мальвине нечего было бояться (не считая отцовского ремня да встречи с педофилом, к которой она явно стремилась); Артемон напоминал себе пресловутую пуганую ворону, что боится каждого куста, но и он мало-помалу терял осторожность, все шире приоткрывая перед потенциальной партнершей двери в мир своих тайных фантазий. Он был очень неплохим программистом и потратил немало свободного времени, придумывая новые действенные способы запутывания следов в мировой паутине. Электронных ищек он не боялся, какую-то опасность могла представлять разве что личная встреча и все, что за ней последует. Но встреча со всеми вытекающими последствиями была именно тем, к чему он стремился. Роман в письмах его никоим образом не устраивал, ему не терпелось вместо клавиатуры компьютера коснуться кончиками пальцев нежной, по-детски шелковистой кожи и накрыть ковшиком ладони не пластиковый горбик оптической мыши, а трогательную выпуклость едва начавшей формироваться девичьей груди. Поэтому накануне, доведенный почти до неистовства не столько ее манерой дразниться, сколько собственным нетерпением, он отправил ей коротенькое электронное письмо, содержащее только один вопрос: «Чего ты хочешь?»

Ответ поступил незамедлительно и был сформулирован в свойственной этой сопливой сучке уклончивой манере: «А ты?»

И тогда он, окончательно потеряв терпение, прямо, откровенно и не особенно стесняясь в выражениях, написал, чего, собственно, ждет от предстоящей встречи.

Мальвина молчала почти сутки. Антон мучился неизвестностью, кляня себя за поспешность, с которой все испортил, то и дело порывался написать ей новое письмо, но всякий раз сдерживал свой неразумный порыв. Он все сделал правильно: с затянувшейся перепиской давно пора было кончать – так или иначе, но кончать. Девчонка сама напросилась на откровенность, заставив его простыми и ясными словами изложить то, что прекрасно знала и так. Знала ли? Разумеется, знала! Это знание сквозило в каждой строчке ее игривых посланий, а он еще не настолько потерял самоуважение, чтобы добровольно стать послушной игрушкой в руках малолетней сердцеедки, приняв навязанные ею правила игры.

И вот сегодня, сидя в офисе и пытаясь сосредоточиться на работе, Нагибин получил долгожданное письмо. Сердце пропустило удар, когда он обнаружил в папке «Входящие» знакомый ник, рука предательски дрожала, открывая письмо. Впрочем, он уже знал, что все в порядке: если бы Мальвина испугалась, она бы просто не стала больше писать. Важно было не содержание, а сам факт получения письма. После того, что он написал вчера, даже самое возмущенное, исполненное оскорбленной невинности послание было много лучше, чем ничего. В каких бы словах девчонка ни выразила свое негодование, письмо означало бы одно: я не против, но потрудись принести извинения, загладить свою вину и впредь никогда не называй вещи своими именами...

Послание оказалось совсем коротким и оправдало самые смелые его ожидания. В нем была указана цена вопроса – новый мобильный телефон престижной и дорогой модели. Артемон признал требование справедливым: как ни крути, а для двенадцатилетней девочки удовлетворение естественных потребностей крупного тридцатидвухлетнего мужчины – это труд, который должен соответствующим образом вознаграждаться. «Где и когда?» – было написано дальше, а на месте подписи красовался заговорщицки подмигивающий смайлик – круглая желтая рожица с черными точками глаз и улыбающимся до ушей ртом. Задумавшись всего на мгновение, Антон настучал короткое ответное послание, присовокупив изображение пылко бьющегося сердца.

В условленный час он прибыл на место, имея при себе белую розу на длинном стебле, коробку шоколадных конфет и бутылку недорогого вишневого ликера. При одном взгляде на этикетку у него слипались все внутренности, но дети любят сладкое, а алкоголь помогает расслабиться. Не «Ягуаром» же, в самом-то деле, ее поить!

Некоторое время он оставался за рулем своего блестящего, как елочная игрушка, спортивного кабриолета. Кабриолет достался ему основательно подержанным, и он потратил приличную сумму на приведение его в порядок, но дело того стоило: малолетки просто млели при виде этого атрибута красивой жизни и обожали кататься на переднем сидении, подставляя разгоряченное личико тугому встречному ветру. Маленькие шлюшки обоего пола, с которыми ему приходилось иметь дело, любили, чтобы все было обставлено как можно романтичнее, и он шел им навстречу, хотя и знал, что за всеми этими прогулками на машине, цветочками, нежными поцелуями в испачканные шоколадом губки и подносимыми в дар украшениями из дешевой бижутерии не стоит ничего, кроме обыкновенной похоти.

Антон сидел, задумчиво барабанил пальцами по баранке рулевого колеса и обзирал постепенно погружающийся в прозрачные весенние сумерки сквер, чувствуя себя при этом самым настоящим Артемоном – пуделем, унюхавшим где-то поблизости текущую сучку. По скверу поодиночке и парами прогуливались люди, их фигуры смутными силуэтами вырисовывались в голубоватом полумраке. Слышались негромкие разговоры, смех, шарканье подошв и отчетливое цоканье женских каблучков, вечерний воздух был напоен ароматами распускающейся зелени, ранних цветов, прибитой недавним дождиком пыли и выхлопных газов. Мальвины нигде не было видно, и нарисованная воображением картинка – девочка в светлом платье, сидящая, болтая незагорелыми тонкими ногами, на садовой скамейке, – понемногу потускнела и исчезла. Впрочем, судя по письмам, девчонка была неглупа, понимала, на что идет, а значит, могла, как и он, проявить не свойственную неопытной юности осторожность, выжидая где-то неподалеку – например, вон в том кафе.

Антон нажал кнопку, поднимая складной матерчатый верх, и выбрался из машины. Ликер и конфеты он оставил на сиденье, прихватив с собой лишь розу, служившую, помимо всего прочего, условным сигналом, по которому Мальвина должна его опознать. Естественно, своих фотографий он ей не посылал, да и марку машины указать поостерегся: мало ли что! А роза – это просто цветок, и даже если вместо желанного свидания Антона поджидает милицейская засада, предъявить ему будет нечего: цветок – обыкновенное совпадение, мало ли, кто может прийти вечером в сквер с белой розой! В этом ведь нет ничего противозаконного, не так ли? Артемон? Какой еще Артемон? Это ведь из книжки про Буратино, верно? Так при чем тут я, не понимаю...

Он трижды обошел сквер вдоль и поперек, держа на виду розу, и даже немного посидел на освободившейся скамейке, но Мальвина так и не появилась. Сумерки сгущались прямо на глазах, вдоль дорожек зажглись редкие фонари. Когда стало ясно, что девчонка не придет – не в пробке же она стоит, в самом-то деле, ей же всего двенадцать лет, откуда у нее деньги на такси, не говоря уже о собственном автомобиле! – Антон Нагибин бросил дурацкую розу в урну и решительно направился к машине. Он испытывал досаду и раздражение, но вместе с тем и решимость довести дело до конца. Детишки любят пошутить, и юмор у них весьма своеобразный, целиком и полностью соответствующий уровню умственного развития. В три часа ночи набрать наугад телефонный номер, сказать: «Алло, у вас есть горячая вода? Тогда мойте ноги и ложитесь спать!», а потом с идиотским хохотом бросить трубку. Или, как в данном случае, две недели, давясь от смеха, писать незнакомому человеку глупые письма по электронной почте – возможно, в компании одноклассниц, подбадривая и подзуживая друг дружку... Коллективное творчество, будь оно неладно!

Ладно, решил он, подходя к кабриолету. Соплячка просто не знает, с кем связалась. Она-то не программист, и, располагая определенными профессиональными навыками, вычислить ее не составит труда. Фотография на сайте, скорее всего, не ее, но это уже не важно. Кого интересует ее внешность, когда дело приобрело принципиальный оборот! Ты хотела новый мобильник, деточка? Так ты его получишь. Но сначала игрушку придется заработать, и на этот раз будет мой черед веселиться – ты-то уже повеселилась всласть...

Кабриолет коротко пиликнул и моргнул подфарниками, приветствуя хозяина. Антон плюхнулся на водительское сиденье, с неудовольствием покосился на лежащие по соседству конфеты и ликер, открыл окно и закурил. Опускать верх он не стал – по вечерам еще было свежо, да и механизм складывания крыши время от времени заедало вследствие уже немолодого возраста.

Докурив и выбросив за окошко сигарету (и убедившись заодно, что эта последняя короткая отсрочка уже ничего не может изменить), он вставил ключ в замок зажигания. В зеркальце заднего вида мелькнуло что-то темное, как будто некто, до сих пор лежавший, скорчившись, на тесном заднем диванчике, решил, наконец, выпрямиться и сесть более или менее по-человечески, Антон вздрогнул от неожиданности и испуга, ощутив на шее короткий укол, и на этом его воспоминания обрывались, словно обрезанные ножом.

Логика, с молодых ногтей служившая ему и оружием, и щитом, подсказывала, что, пока он слонялся по скверу, высматривая в благоухающих весенних сумерках свою жертву, кто-то проник в машину, затаился на заднем сиденье и, улучив момент, сделал ему инъекцию какого-то сильнодействующего препарата, который свалил Антона, как выпущенная в затылок пуля. Затем неизвестный злоумышленник пересел за руль, отодвинув бесчувственное тело хозяина машины, и доставил его в это место, где бы оно ни находилось и чем бы ни являлось. Скорее всего, так и было, потому что таскаться по центру Москвы с телом на спине неудобно и рискованно, даже если речь идет о том, чтобы переместить упомянутое тело из одной машины в другую, стоящую в метре от первой...

Антон Нагибин всегда считал логику одним из величайших изобретений человечества. «Хорошая вещь – логика!» – любил повторять он загнанным в угол оппонентам, завершая выигранный спор. Но сейчас ему отчего-то перестало казаться, что логика так уж хороша. Потому что, начав разматываться, логическая цепочка так и норовила размотаться до конца, а Антону этого больше не хотелось. Но его желания никто не спрашивал, и тренированный мозг сделал окончательный вывод раньше, чем Нагибин успел заставить себя перестать думать.

Похищение с целью получения выкупа отпадало: Антон Нагибин не знал никого, кто согласился бы выложить за него достойную упоминания сумму, и сам такой суммой не располагал.

Автомобиль? Но его можно было спокойно угнать, пока Антон слонялся по скверу. Ведь похититель уже был внутри, когда он сел за руль!

Ограбление? Чушь! Зачем тащить куда-то и связывать по рукам и ногам человека, которого ты уже ограбил? Выверни карманы, выбрось жертву из машины – если ты садист и полный отморозок, это можно сделать прямо на ходу, – и езжай на все четыре стороны! Зачем же с веревками возиться?

Работа? Да, Антон Нагибин программист неплохой и даже хороший, но, прямо скажем, не Билл Гейтс, и в зашнурке у него нет и никогда не было ни одной разработки, ради завладения которой стоило бы идти на риск и хлопоты, связанные с похищением человека.

Корыстные мотивы, таким образом, исключались полностью. Врагов, которые пожелали бы разделаться с ним подобным образом, у него не было, как и друзей, способных на такой жестокий, идиотский по любым меркам розыгрыш. Значит, одно из двух: либо его избрал очередной жертвой какой-то маньяк, либо он, наконец, допрыгался, нарвавшись на кого-то, кто не только имеет средневековые представления о фамильной чести, но и готов защищать их до последней капли крови – желательно, не своей, а обидчика...

Оба эти варианта представлялись одинаково скверными и не сулили в перспективе ничего хорошего. И, едва Антон это осознал, события начали развиваться. Послышался протяжный металлический скрежет, в крошечной тьме над головой возник чуточку более светлый квадрат утыканного блестящими, как шляпки обойных гвоздей, звездами ночного неба, на фоне которого мелькнула какая-то черная тень. Раздался громкий шорох, словно где-то рядом разворачивали большой целлофановый сверток, а в следующее мгновение в глаза ударил луч показавшегося нестерпимо ярким электрического света, заставивший Нагибина вздрогнуть и зажмуриться.

Под плотно сомкнутыми веками плавали фосфоресцирующие пятна. На этом фоне по-прежнему слышался ритмичный шорох, словно к Антону неторопливо приближался гигантский плюшевый медвежонок, у которого не хватило ума освободиться от целлофановой упаковки, прежде чем отправиться на прогулку. Шорох стих, послышался негромкий стук и приглушенный кашель. Слегка ободренный этим простым человеческим звуком, Нагибин осторожно открыл глаза.

Первым делом он увидел обычный электрический фонарик, стоявший рефлектором кверху на выступе сырой бетонной стены. Благодаря этому его луч рассеивался, заливая тусклым равномерным светом тесное помещение с корявыми бетонными стенами, низким, тоже бетонным потолком и сырым земляным полом. Вдоль стен тянулись ржавые толстые трубы в лохмотьях теплоизоляции; Антон увидел зияющую дыру на месте запорного вентиля и понял, что по этим трубам уже много лет ничего не течет. В дальнем углу потолка виднелась квадратная дыра открытого люка. Теперь, когда в камере горел свет, она казалась просто черной, звезды в ней померкли, заслоненные тусклым свечением фонарика.

Рядом с Антоном стоял какой-то человек, одетый в прозрачный пластиковый дождевик с капюшоном. На ногах у него Нагибин со смесью испуга и удивления

увидел зеленые хирургические бахилы, а из-под капюшона, к его ужасу, вместо человеческого лица выглядывала бессмысленно ухмыляющаяся картонная маска с длинным, заостренным, задорно вздернутым кверху носом – Буратино. При виде этой носатой образины с круглыми дырками на месте глаз Антон Нагибин понял все раньше, чем возвышавшееся над ним кошмарное видение заговорило.

– Здорово, Артемон, – глухо сквозь маску произнес этот упакованный в шуршащий целлофан призрак. – Тебе привет от Мальвины.

Нагибин замычал, извиваясь на грязном полу, как раздавленный дождевой червяк. Спасти его сейчас могли только правильно подобранные слова, но похититель предусмотрительно лишил его возможности высказаться в свою защиту, заклеив рот.

Словно подслушав его мысли, человек в маске Буратино нагнулся и, подцепив пластырь за уголок, освободил пленнику рот. На руках у него были латексные хирургические перчатки, источавшие слабый, но отчетливый запах какого-то фруктового ароматизатора, совершенно неуместный в этом грязном и затхлом подzemелье.

Нагибин со свистом втянул воздух разинутым ртом.

– Кто вы? – торопливо пробормотал он. – Что происходит? Чего вы хотите? Я ничего не понимаю, какой еще Артемон, какая Мальвина?!

Человек в маске прилепнул пластырь на место, снова запечатав ему рот.

– Не понимаешь, – повторил он с каким-то мрачным удовлетворением. – Что ж, ничего другого я от тебя и не ожидал... кобелек.

В руке у него откуда ни возьмись появился утыканный кривыми ржавыми гвоздями обломок доски. Антон панически завизжал сквозь пластырь, объятый почти мистическим ужасом. Страшнее всего ему казалось то, что орудие убийства, которое в данный момент раскачивалось у него перед глазами, было не изготовлено специально, не куплено на рынке из-под полы и даже не принесено из дому, а просто где-то подобрано – мимоходом, как поднимают с земли камень, чтобы швырнуть в увязавшегося следом дворового пса.

Доска описала в воздухе свистящую дугу и с коротким тупым стуком опустилась на ребра связанного человека. Ржавые гвозди, как клыки осатаневшего от жажды крови хищника, пропороли одежду и впились в тело. Нагибин дико закричал сквозь пластырь. Крик оборвался, когда за первым ударом последовал второй, пришедшийся по голове. Он отчетливо услышал отвратительный скребущий звук, с которым один из гвоздей прошелся по черепу, сдирая скальп, и мучительно застонал. Человек в носатой маске ударил еще раз, и еще; удары следовали один за другим с тупой механической размеренностью метронома, кровь брызгала на бетонные стены и на пластиковый дождевик, расписывая все вокруг затейливыми, жуткими узорами. Нагибин уже не кричал, а лишь мычал, как забитое животное, и, как животное, вздрагивал от ударов. По левой щеке струилось что-то теплое и липкое, и он не знал, кровь это или вытекший глаз – разомкнуть веки и проверить было страшно.

Он уже распрощался с жизнью, как вдруг избиение прекратилось. Отбросив окровавленную, расщепленную вдоль доску, ряженный убийца опустился на корточки и снова отклеил пластырь.

– вспомнил Мальвину? – спросил он, слегка задыхаясь, как человек, решивший сделать перерыв в тяжелой и грязной работе.

Спорить было явно бессмысленно, да к тому же смертельно опасно.

– Я ее... пальцем не тронул, – с трудом выговорил Антон. – За... что? Что я ей... сделал?

– Ей – ничего, – согласился «Буратино». – И не смог бы, потому что ее не существует. А вот насчет других – не знаю, не знаю... Сколько судеб ты поломал, Нагибин, сколько душ искалечил – три, пять, двадцать? Ну, что тарацишься, как свинья на ветчину? Думал, я не знаю, кто ты такой? Думал, ты один в компьютерах шарить? Или твои забавы с малолетками – мелочь, невинные шалости? А?!

– Я никому... не причинил зла, – взмолился «Артемон». – За что?! Я никого не заставлял, не принуждал силой, я вообще ненавижу насилие... Они все делали сами, добровольно!

– Значит, покаяния не будет, – все с тем же мрачным удовлетворением констатировал «Буратино». – Что ж, тебе же хуже.

– Я каюсь! – взвизгнул Нагибин. – Что вам еще от меня надо? Я виноват! Я каюсь! Каюсь!!!

– Вот и отлично, – сказал человек в маске, снова заклеивая ему рот. – Вот и молодец, облегчил душу. А чтобы тебе стало совсем уж легко... Историю помнишь? У святой инквизиции за покаянием всегда следовало очищение. И во все времена – и до инквизиции, и после – считалось, что наилучшим образом очищает – что?

Антон Нагибин снова начал извиваться на полу, панически мыча.

– Правильно, – подтверждая его догадку, сказал человек в маске, – огонь.

Он встал и отступил на шаг влево, открыв взору жертвы скромно приткнувшуюся в уголке двадцатилитровую канистру. Откиннутая пробка лязгнула о жестяной бок посуды, слегка желтоватая, с радужным отливом маслянистая жидкость с плеском и бульканьем хлынула из горловины. В воздухе резко запахло бензином, мычание пленника перешло в сдавленный визг. Опустевшая канистра отлетела в угол, ударившись о бетонную стенку, чиркнула спичка, и над корчащимся в луже бензина телом с негромким хлопком взметнулось рыжее, коптящее пламя. Приглушенный пластырем визг поднялся почти до ультразвука, перегоревшая веревка лопнула, и охваченные огнем ноги беспорядочно забарабанили, заскребли по полу, разбрасывая вокруг чадно горящие лохмотья, капли и лужицы пламени. Горящий заживо человек каким-то чудом ухитрился подняться на колени, но тут сознание милосердно покинуло его, он замолчал и охапкой пылающего тряпья завалился набок.

Все было кончено. В тесной камере стало трудно дышать от воняющего бензином и горелым мясом дыма, и палач в неуместно веселой карнавальной маске, шурша окровавленным пластиковым дождевиком, полез наружу по вмурованным в стену ржавым скобам.

Наверху его мягко обняла звенящая соловьиными трелями, благоухающая, бархатистая майская ночь. Над головой распахнулся усеянный мириадами ничем не затмеваемых звезд небосвод, в отдалении заблестели редкие огни

небольшого поселка. Поросший темными купами каких-то кустарников бугристый луг терялся во мраке, где-то рядом, соперничая с соловьями, дружным хором выводили брачный гимн одуревшие от тепла и пробудившейся сексуальной озабоченности лягушки. Лягушкам оставалось только позавидовать: их строго нормированная самой матерью-природой половая жизнь не была отягощена условностями и извращенными фантазиями, служа источником простого, чистого, ничем не замутненного и не сулящего никаких неприятных последствий удовольствия. То же относилось к соловьям, кузнечикам, ночным мотылькам, что бездумно порхали вокруг в опасной близости от выводящих заливистые рулады лягушечьих пастей, а также ко всем прочим живым тварям – бегающим, ползающим, плавающим и летающим – словом, ко всем, кроме представителей горемычной, вечно норовящей нагадить себе же на голову породы *homo sapiens*.

Понемногу успокаиваясь и приходя в себя, убийца стянул с лица носатую маску веселого деревянного человечка и отошел от люка. Из люка, растворяясь в ночи, столбом валил подсвеченный снизу мигающими сполохами слабеющего огня дым. В темноте он казался светлым, почти белым и издавала, должно быть, напоминал разведенный кем-то посреди поля костер. Огонь в камере заброшенной теплотрассы угасал, со стороны люка, заглушая ароматы трав и распускающейся черемухи, тянуло отвратительным смрадом горелой плоти. Посветив вокруг себя фонариком, убийца отыскал лежащий в траве объемистый полиэтиленовый пакет и приступил к процедуре раздевания – аккуратно снял и, свернув, сунул в пакет окровавленный дождевик, маску и хирургические бахилы. Последними в пакет отправились вывернутые наизнанку и скомканные латексные перчатки. Человек, более не напоминавший ни Буратино, ни мстительный призрак в развевающемся балахоне, поместил в пакет заранее заготовленный увесистый булыжник, завязал узлом горловину, затянул узел потуже и, шурша травой, направился туда, где неистово драли глотки влюбленные лягушки.

Вскоре перед ним в обрамлении черных кустов блеснула стоячая гладь маленького пруда – фактически, просто заполненной водой ямы. Когда почва под ногами начала пружинисто подаваться и чавкать, человек остановился и, размахнувшись, бросил узел в пруд. Раздался всплеск, по воде пошли круги, лягушачий хор испуганно оборвал песню на середине ноты. Убедившись, что узел благополучно пошел ко дну, убийца повернулся к пруду спиной и зашагал в обратном направлении. Когда он подходил к люку, из которого поднимался к ночному небу редящий столб белесого дыма, лягушки возобновили пение – сначала робко, а потом смелее и смелее, пока древний гимн возрождающейся

жизни не зазвучал в полную силу.

Огонь в подземелье уже погас, сверху сквозь пелену удушливого дыма виднелись только отдельные, мигающие в предсмертной агонии, слабенькие огоньки. Не пачкая рук, убийца ногой захлопнул тяжелую ржавую крышку, и та легла на место с громким лязгом и дребезгом, похожим на звук надтреснутого кладбищенского колокола.

* * *

– Приехали, – объявил Глеб Сиверов, останавливая машину напротив подъезда архитектурного бюро.

– Ты куда теперь? – деловито перебирая содержимое сумочки, поинтересовалась Ирина.

Глеб пожал плечами, а потом, сообразив, что занятие жены не позволяет ей заметить и по достоинству оценить его пантомиму, озвучил свой ответ:

– Понятия не имею. Провырнусь по городу, подышу воздухом... Может, подцеплю сговорчивую девчонку и закачусь с ней в кабак...

– Ну-ну, – продолжая сосредоточено рыться в бренчащем и шуршащем барахле, которым вечно до отказа набиты все, сколько их есть на свете, дамские сумки, с оттенком недоверия произнесла Ирина.

– А что? – решительно встал на защиту своего мужского достоинства и права на сексуальное самоопределение Глеб. – На дворе весна, жены нет – она, понимаете ли, работает. Хотя это еще надо проверить, чем вы там на самом деле занимаетесь, в этом своем аквариуме...

– Оргии устраиваем. Развратничаем по случаю наступления весны, – предложила напрашивающийся вариант Ирина. Она, наконец, выкопала из сумочки пудреницу, откинула крышечку и принялась точными, отточенными до автоматизма движениями пудрить щеки и нос. Вид у нее был предельно сосредоточенный, как у хирурга во время сложной и ответственной операции, по лицу, дрожа, гуляло круглое пятнышко света – отражение падавшего в

зеркальце пудреницы солнечного луча.

– Лучший способ скрыть истину – произнести ее во всеуслышание с иронической интонацией, – мрачно объявил Сиверов, неодобрительно косясь на глухо закрытую изнутри золотистыми планками давно вышедших из моды горизонтальных жалюзи стеклянную витрину бюро.

Эти закрытые в любое время суток жалюзи и впрямь выглядели подозрительно, особенно если принять за точку отсчета предположение, что архитекторы, как сто лет назад, чертят свои проекты вручную, день-деньской стоя за кульманами, двигая рейсшины и стреляя друг у друга карандаши ТМ и вываренные по особому рецепту в льняном масле ластик. На самом деле все давно изменилось, на смену кульманам и всему прочему пришли компьютеры, так что солнечный свет, для свободного доступа которого когда-то и смонтировали эту сплошную, от пола до потолка, стеклянную стену, уже не столько помогал, сколько мешал работать, делая изображение на мониторах бледным и неразборчивым.

– Ну, не ворчи, – бросив на мужа быстрый взгляд, попросила Ирина. – Не надо злиться, ладно?

– Да я и не злюсь, – сказал Глеб.

Это была правда. Два месяца назад Ирина снова вышла на работу, и он не мог ее за это винить. Денег им, конечно, хватало и без этого, но не может же еще далеко не старая, красивая, энергичная, умная и не лишенная способностей женщина заживо похоронить себя на кухне с глазу на глаз с телевизором! От такой жизни недолго и свихнуться, особенно если вспомнить, какой бред круглосуточно несет этот чертов ящик. Иногда, просмотрев на досуге две-три телепередачи, Глеб Сиверов начинал почти всерьез утверждать, что конец света наступит не в результате ядерной войны, глобального потепления или сдвигов земной коры, сопровождаемых извержениями вулканов, землетрясениями и всемирным потопом, а через всеобщее буйное помешательство, вызванное потоками разнузданной чуши, двадцать четыре часа в сутки извергаемой миллиардами телевизионных приемников.

Поскольку говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, было как-то непривычно, он добавил к сказанному толику вранья, благо это все равно было необходимо.

– Я не злюсь, – повторил он. – Просто это как-то странно: я свободен, ты занята... Я-то привык, что все наоборот, вот и не знаю, куда себя девать.

– Ах ты, бедненький, – подкрашивая губы, рассеянно посочувствовала Ирина. – Ну, сходи куда-нибудь, познакомься, в самом деле, с кем-нибудь. Только сильно не увлекайся, а то ведь я знаю, зачем ты каждое утро выбриваешь физиономию прямо-таки до зеркального блеска!

– И зачем же, если не секрет? – искренне заинтересовался Глеб.

– Седину скрываешь! – захлопнув пудреницу, с торжеством детектива, только что уличившего хитрого преступника, сообщила Ирина. Она завинтила патрончик с помадой, бросила косметические причиндалы в сумочку, а потом, будто усомнившись в том, что все сделано правильно, и макияж пребывает в порядке, опустила солнцезащитный козырек и, подавшись вперед, стала придирчиво разглядывать свое отражение во вмонтированном в его тыльную поверхность зеркальце.

– А чего ее скрывать? – удивился Глеб, коснувшись ладонью тронутого серебром виска.

– Не тут, – возразила Ирина, краем глаза уловив в зеркале его движение. – В бороде!

– Ах, вот где! – глубокомысленно воскликнул Сиверов.

– Седина в бороду – бес в ребро, – уверенно и не совсем внятно произнесла Ирина, потирая нижней губой о верхнюю, чтобы помада легла ровнее. – Вот ты и бреешься, чтобы никто не заметил, каков ты на самом деле есть фрукт!

– А я думал, ты не догадаешься, – уныло и покаянно пробормотал Глеб, виновато повесив голову.

– Не на таковскую напал! – заявила Ирина и задернула «молнию» сумочки уверенным резким движением, каким герои блокбастеров обычно застегивают последний карабин на своей амуниции, перед тем как отправиться в очередной раз спасти мир. – Ну, не скучай!

Она на мгновение прижалась щекой к его щеке, чмокнув воздух, чтобы не размазать помаду. От нее тонко и возбуждающе пахло хорошими духами, и сама она была хороша – как в молодости, а может быть, и лучше. Ее красоте годы шли только на пользу, как хорошему вину, и говорить о том, что закрутит роман где-то на стороне, Глеб мог разве что в шутку. По мужской части у него был полный порядок, однако по опыту он точно знал: делая выбор, всегда приходится что-то приносить в жертву. Он предпочитал жертвовать всеми остальными женщинами мира ради Ирины, а не наоборот. Кто-то, возможно, стал бы спорить, но Глеб считал свой выбор правильным, хотя и не единственно возможным.

- Буду, – капризно пообещал он. – Завью горе веревочкой!

- Завей, – разрешила Ирина. – Только чтобы ровно в восемнадцать ноль-ноль ты был здесь, на этом самом месте. И безо всяких веревочек!

- Яволь, экселенц, – отчеканил Глеб. – Слушаюсь, вашбродь. Бу сде.

Он выбрался на чуть влажноватый после утренней помывки асфальт мостовой, обошел машину спереди, открыл дверцу и помог Ирине выйти. Краем глаза он заметил, как колыхнулись жалюзи в окне проектного бюро, и подумал, что вечером надо бы купить хороший, дорогой букет: Ирине будет приятно, а эти любители подглядывать и мотать на ус, кто с кем приехал, пускай сгрызут себе от зависти локти до самых ушей.

Он с удовольствием проводил жену взглядом, дождался, пока за ней закроется тяжелая стеклянная дверь, и вернулся за руль. Не успевший остыть двигатель завелся мгновенно, будто только того и ждал; Глеб тронул машину с места, ловко вклинился в поток уличного движения, проехал три квартала, свернул за угол и, обнаружив свободное место у бровки тротуара, с ювелирной точностью, как пробку в бутылку, вогнал туда машину.

Выключив зажигание, он до упора опустил оба передних стекла и закурил, расслабленно откинувшись на спинку кресла. Набежавший откуда-то мальчишка в подвернутых до колен джинсах и грязноватой, большой не по размеру футболке вопросительно приподнял ведро с мыльной водой, из которого торчала желтая пластмассовая ручка щетки. Глеб хотел отказаться от непрошеной и совершенно не нужной ему услуги, но передумал и утвердительно кивнул. Парнишка радостно улыбнулся, предвкушая заработок, плеснул в стекло

пенной и принялся за дело. Работал он быстро и сноровисто, и вид у него при этом был такой же сосредоточенный, как давеча у Ирины, когда она поправляла макияж.

По салону гулял теплый, пахнувший асфальтом и отработанным бензином сквознячок, дым тонкой извилистой струйкой тянулся в открытое окно, по ветровому стеклу, отмывая его до полной невидимости, со скрипом гуляла резиновая щетка. Работа уже близилась к завершению, когда в поле зрения Сиверова появился новый объект, представлявший собой просто, но аккуратно одетого гражданина предпенсионного возраста. Наблюдая за его слегка неуверенной походкой и чересчур экспрессивной жестикуляцией, Глеб, как какая-нибудь кумушка, мысленно посетовал на повсеместное падение нравов: это ж надо же, приличный с виду человек, а уже с утра навеселе! И это, что характерно, в будний день...

Внезапно что-то сообразив, а может быть, просто вспомнив, куда направлялся, объект его наблюдений резко изменил курс и приблизился к машине Сиверова. Протиснувшись между ней и пыльным пикапом, построенным на базе жигулевской «семерки», он чуть ли не по пояс просунулся в окно со стороны пассажирского кресла и, облокотившись о раму, развязно обратился к Глебу:

– Але, шеф! Свободен?

– Занят, – глядя прямо перед собой, лаконично ответил Сиверов.

– Подкинь к Трем Вокзалам, – не отставал пьяный. – Позарез надо! Штуку даю!

Глеб промолчал. Зажатый в правой руке у пьяного большой желтый конверт имел такой вид, словно владелец в обнимку с ним ночевал в канаве, шкиперская бородка растрепалась и напоминала долго бывший в употреблении веник, но запаха алкоголя Глеб не ощутил, сколько ни принюхивался. Впрочем, в этом-то как раз не было ничего удивительного.

Мальчишка закончил мыть стекло и выжидательно заглянул в салон через другое окно. Напоминая самому себе европейского туриста в трущобах Дели или какого-нибудь Катманду и от души забавляясь этим сходством, Глеб сунул ему купюру и повернулся к пьяному.

– Говорю же: занят, – твердо повторил он. – Не могу.

– Ну, как хочешь, – неожиданно становясь миролюбивым и покладистым, согласился пьяный и отчалил, зацепившись карманом брюк за боковое зеркало пикапа.

Проводив его взглядом, Глеб покосился на оставшийся на пассажирском сидении желтый конверт и нажатием кнопки задействовал стеклоподъемник. Тонированные стекла поднялись с негромким жужжанием, отрезав его от внешнего мира. Сиверов включил зажигание, дал задний ход, переключил передачу и поехал в сторону Арбата.

Двадцать минут спустя он загнал машину на тесную парковку во дворе старого четырехэтажного дома в одном из тихих кривых арбатских переулков. Забрав с заднего сиденья пакет с купленными по дороге продуктами, он сунул под мышку мятый желтый конверт и выбрался из-за руля. Проходивший мимо пенсионер вежливо с ним поздоровался. Глеб так же вежливо ответил на приветствие и подавил невольный вздох: конспирация, батенька! Расположенная в мансарде конспиративная квартира находилась в его распоряжении так давно, что даже обитавшие в кронах старых разросшихся лип во дворе воробьи, кажется, уже начали принимать его за своего.

Пенсионер, шаркая подошвами, удалился в сторону ближайшего гастронома. Его звали Аполлоном Валериановичем, ему было девяносто три года, и было похоже, что он твердо намерен протянуть еще столько же. С его покрытой старческими пигментными пятнами, похожей на куриную лапу руки, раскачиваясь в такт шагам, свисала пустая авоська – самая настоящая, сплетенная из шелковых нитей, архаичная, даже можно сказать антикварная авоська, с какой сам Глеб, помнится, бегал в магазин за молоком и хлебом в счастливом полузабытом детстве. Аполлон Валерианович шел за бифидо-кефиром, это Глеб знал так же точно, как то, что по утрам солнце встает на востоке, а вечерами садится на западе. Он посмотрел на часы и кивнул: стрелки показывали без четверти десять, а это означало, что старик ни на минуту не отклонился от расписания.

Поднявшись по лестнице на самый верх и остановившись перед единственной на площадке дверью, сработанная под красное дерево отделка которой скрывала несокрушимую стальную плиту, Глеб побренчал увесистой связкой ключей и отпер замок. Мощные ригели мягко вышли из гнезд, и дверь открылась, впустив Сиверова в пахнущий дымом хороших сигарет полумрак прихожей.

Не включая свет, он прошел в комнату, где первым делом вскрыл пакет с кофе и зарядил кофеварку. Мягкий желтый конверт лежал на краю стола, по-прежнему вызывая у Глеба настороженное удивление: с тех пор, когда он последний раз получал задание подобным образом, утекло уже довольно много воды. Агент по кличке Слепой давно перерос статус платного ликвидатора, да и его куратор, генерал Потапчук, в последние годы предпочитал отдавать ему приказы лично, не прибегая к помощи посредников.

Разумеется, генерал вернулся к формальной процедуре неспроста. Возможно, ему угрожала какая-то опасность, и он не хотел засвечивать своего лучшего агента, встречаясь с ним лично. Возможно также, что речь действительно шла о рутинной ликвидации, и его превосходительство просто не видел необходимости встречаться с исполнителем и обсуждать чисто технические детали, до которых ему, генералу и крайне занятому человеку, не было никакого дела. А может быть, это задание Федору Филипповичу по каким-то причинам активно не нравилось, и, действуя против своей воли, по приказу сверху, он просто включил ржавый казенный механизм и умыл руки: нате, подавитесь! Это как в старину британские морские офицеры, выполняя приказ, с которым были не согласны, в знак протеста поворачивали фуражку козырьком назад...

Помимо всего прочего, старик мог захандрить, а то и захворать. К появлению на сцене желтого конверта могла привести любая из этих причин; вероятнее всего, имело место более или менее сложное их сочетание. Глеб понимал, что ничего не узнает, пока не вскрыет конверт; ясно было также, что он вовсе не обязательно поймет мотивы, которые двигали Федором Филипповичем, даже после самого подробного ознакомления с его содержимым.

Он налил в кофеварку воды, щелкнул переключателем, закурил и, наконец, заглянул под клапан конверта. В конверте, как и следовало ожидать, обнаружилось энное количество обандероленных пачек купюр достоинством в сто евро. С деньгами соседствовал компакт-диск в бумажном конверте с круглым полиэтиленовым окошечком. Судя по надписи на нерабочей поверхности, он содержал пользовательскую инструкцию к цифровому фотоаппарату «Олимпус». Выдвинув ящик письменного стола, Глеб небрежно смахнул туда деньги и включил компьютер. Кофеварка забурлила, с плеском извергла в стеклянную колбу струю курящейся пахучим паром темно-коричневой жидкости и астматически захрипела. Глеб выключил ее, перелил кофе в объемистую фаянсовую кружку и, прихватив с подоконника пепельницу, сел за стол.

Компьютер уже загрузился. Сиверов вытряхнул компакт-диск из конверта и вставил в приемный лоток дисковода. Пока компьютер жужжал, шелестел и посвистывал, считывая с диска информацию, он глотнул кофе и одной длинной затяжкой добил сигарету.

– Ну-с, посмотрим, что тут у нас, – пробормотал он, щелкая кнопкой мыши.

Судя по выведенной на монитор информации, диск действительно содержал инструкцию по пользованию цифровой фотокамерой на четырех языках – английском, немецком, испанском и русском. Глеб выбрал русский и бегло, не вчитываясь, перелистал разделы. Это и впрямь была инструкция, и относилась она именно к фотоаппарату, а не к чему-нибудь другому.

Просматривать иноязычные варианты данного любопытного документа Слепой не стал: и без того было ясно, что они не содержат ничего, кроме рекомендаций по правильному пользованию цифровой «мыльницей» с матрицей в пять мегапикселей. Снисходительно усмехнувшись (конспирация, батенька!), он врубил программу дешифровки – а может быть, распаковки, в этом Глеб разбирался слабо, – отхлебнул из кружки и закурил еще одну сигарету.

Компьютер справился с задачей буквально в два счета. Глеб не выкурил сигарету и до половины, а на экране монитора уже возникло мужественное, с резкими чертами, хоть ты на монетах его чекань, покрытое ровным искусственным загаром лицо человека средних лет с короткой, обильно посеребренной ранней сединой прической. Правее фотографии располагался текст, содержащий анкетные данные, но Глеб не стал его читать, поскольку в последнее время это лицо стало все чаще мелькать на страницах газет, экранах телевизоров и в новостных сайтах интернета.

Сиверов длинно присвистнул, хлебнул кофе и затянулся горьковатым дымом.

– Так вот ты какой, северный олень, – негромко произнес он, обращаясь к фотографии на мониторе. – Ну что, олигарх, доигрался в политику?

Собственно, до уровня богатства, по достижении которого человека в России начинают обзывать греческим словом «олигарх», Александр Леонидович Вронский пока не дотягивал. Мнения экспертов по оценке размеров его

состояния заметно расходились, но до Абрамовича и Ходорковского ему было далеко. Тем не менее, он был богат, влиятелен, а в последнее время действительно начал активно интересоваться политикой. Разумеется, интерес этот вовсе не был бескорыстным: ни у кого на свете не повернулся бы язык назвать Александра Леонидовича Вронского глупцом, а умные люди не интересуются политикой просто так, от нечего делать, для общего развития. Умные и состоятельные люди не просто интересуются политикой – они ее делают, причем так, чтобы это занятие приносило максимальную выгоду.

И, естественно, нравится это далеко не всем. Политика – это столкновение интересов. Этот пирог, как и все остальные пироги на нашей маленькой планете, давным-давно поделен. И если кто-то хочет взять себе кусок побольше, ему поневоле приходится буквально выдирать этот кусок из чьего-то рта. А тот, у кого выдирают изо рта лакомый кусочек, само собой, не приходит от этого в восторг и принимает меры по противодействию тому, что, с его точки зрения, является чистой воды безобразием и наглым попранием его конституционных прав и свобод. Ведутся переговоры, достигаются компромиссы, предлагаются крупные суммы отступного и почетные, но второстепенные государственные посты. Затем наступает черед экономического, юридического и психологического давления – то есть, попросту говоря, запугивания. Ну, а потом, когда все эти меры не дают желаемого результата, на стол Глеба Сиверова или кого-то из его товарищей по цеху ложится вот такой невзрачный желтый конверт с более или менее солидным гонораром и компакт-диском, помимо инструкции к фотоаппарату или какому-нибудь фену, хранящим на себе зашифрованную информацию о клиенте. Раньше в конверт клали фотографию и, в случае нужды, пару листков бумаги с необходимыми сведениями, а теперь перешли на компакт-диски – вот, собственно, и вся разница, а суть осталась той же, что и при царе Горохе: борьба за сосредоточение власти в одних руках, укорот зарвавшихся и забравших себе слишком много воли вассалов, затыкание разинутых на чужой каравай алчных пастьей...

Перелистав досье, Глеб убедился, что перед ним не досье как таковое, а просто подборка материалов, могущих оказаться полезными при разработке плана операции. Здесь были фотографии, планы зданий, маршруты движения, схемы систем охранной сигнализации, сведения о количестве, вооружении и составе охраны и обслуги, привычках, связях и контактах клиента и еще множество мелочей, способных существенно облегчить работу киллера. О том, кто и по каким причинам принял решение о ликвидации, в досье не было ни слова, да Глеб на это и не рассчитывал: такая информация, во-первых, не особенно интересна, а во-вторых, сплошь и рядом оказывается крайне вредной для

здоровья.

В мозгу начали проступать контуры чернового плана будущей операции. Тогда Глеб убрал с экрана досье, вынул диск из дисковода, вложил в конверт и спрятал в тайник. Строить планы пока что было рановато: полученную информацию еще следовало тщательно проверить. Конечно, он доверял Федору Филипповичу, но сведения о Вронском собирал не Потапчук, и вовсе не его превосходительство их обрабатывал, шифровал и записывал на компакт-диск. Это делали исполнители – то бишь люди, которым, как известно, свойственно ошибаться, а иногда, к сожалению, и продаваться тому, кто больше заплатит. Случайно или намеренно допущенная неточность в сведениях могла стоить агенту по кличке Слепой головы. Запасной головы у него не было, и потому Глеб всегда действовал по поговорке: «Доверяй, но проверяй».

Он подумал, не сварить ли еще кофе, но по зрелом размышлении отказался от этой идеи. Гораздо умнее было проветриться и хотя бы издалека посмотреть на господина Вронского во плоти, прежде чем наступит вечер, и надо будет отправляться встречать Ирину. Он выключил компьютер, сунул в карман сигареты и, вертя на пальце ключ от машины, покинул конспиративную квартиру.

Глава 2

Вяло поковырившись ключом в примитивном замке с разболтанной, разношенной сердцевинкой, Иван Николаевич Серебряков толкнул обитую изрезанным бритвой, испещренным заплатками различной формы, размера и цвета дерматином дверь и вошел в темную прихожую. В ноздри ударил запах застоявшегося табачного дыма, смешанный с вонью мусорного ведра, которое он опять забыл вынести, уходя на работу. Спускаться вниз и плестись посреди ночи к контейнерной площадке не хотелось. Иван Николаевич очень кстати вспомнил, что выносить мусор на ночь глядя – плохая примета, предвещающая безденежье, и решил, что эту неприятную операцию можно с легким сердцем отложить на потом. То обстоятельство, что на дворе уже не столько поздний вечер, сколько очень раннее утро, он предпочел во внимание не принимать. А что до запаха, то это не смертельно, к запаху можно привыкаться, привыкнуть. Да вот, уже и привык, уже ничем особенным и не пахнет...

Он щелкнул выключателем, и под потолком вспыхнула слабенькая лампочка под засиженным мухами, пыльным пластмассовым абажуром – когда-то красным, а ныне выгоревшим до бледно-розового. На обоях рядом с выключателем расплзлось отвратительного вида коричневое сальное пятно, да и сам выключатель не мешало бы вымыть, а еще лучше – заменить, пока он не стал причиной пожара. Вообще, замены в квартире требовало многое, если не все. Привычно отогнав мысль, что в переменах к лучшему давно нуждается не только квартира, но и вся его жизнь, Иван Николаевич пригладил перед захватанным пальцами зеркалом уже начавшую редеть артистическую шевелюру и прошел в единственную комнату доставшейся ему после развода и размена квартиры «хрущевки» – восемнадцать квадратных метров, угловая, кухонька размером с носовой платок и совмещенный санузел.

Покрытое толстым слоем пыли пианино, как обычно, напомнило о временах, когда все было по-другому. Сам не зная, зачем, Иван Николаевич подошел к нему и кончиком указательного пальца вывел на пыльной крышке короткое непечатное слово. Потом вздохнул, зачем-то оглянулся через плечо, будто проверяя, не подглядывает ли кто, стер матерную надпись рукавом и направился на кухню.

Есть не хотелось, но перекусить перед сном было необходимо. Серебряков открыл холодильник, при падавшем из его полупустого нутра неярком свете соорудил себе из черствой горбушки и огрызка краковской полукопченой некое подобие бутерброда, не включая свет, подошел к окну и стал неохотно жевать, поверх крыш соседних домов глядя, как над восточным горизонтом неторопливо занимается рассвет.

Иван Николаевич Серебряков когда-то начинал как педагог по классу фортепиано в музыкальной школе. Педагогом он был хорошим, талантливым, дети его любили, коллеги уважали, а руководство ставило в пример. Он тоже любил детей, уважал коллег и всегда был готов, не лебезя, поддержать руководство в любом благом начинании, будь то музыкальный конкурс или ремонт класса. Все было очень хорошо, пока его любовь к детям не начала приобретать конкретные и не вполне традиционные формы, а ее проявления, в свою очередь, не были замечены родителями учеников, а затем, как водится, и администрацией учебного заведения. Директриса по старой дружбе не стала раздувать скандал, и из музыкальной школы Иван Николаевич ушел по собственному желанию, тихо, вполне достойно, без неприятных записей в личном деле и даже с рекомендациями для будущего работодателя.

Но рекомендации рекомендациями, а без последствий все же не обошлось. В первой музыкальной школе, которую он посетил в поисках работы, его приняли буквально с распростертыми объятиями, но, поскольку директора не оказалось на месте, вежливо попросили зайти завтра. Назавтра директор оказался на месте, зато вакансия, которую метил занять Иван Николаевич, за ночь каким-то волшебным образом испарилась. Директор сообщил ему об этом предельно вежливо, но сухо, и этот сухой тон сказал Серебрякову больше, чем любые слова: интересуясь личностью потенциального подчиненного, этот хлыщ позвонил на его прежнее место работы, а там ему, надо полагать, прозрачно намекнули, что Иван Николаевич любит детей немного сильнее, чем это допустимо для педагога.

Дальше дела пошли еще хуже: куда бы он ни обратился в поисках работы, его повсюду встречали вежливым, но твердым отказом. Все было ясно: кто-то не поленился обзвонить все, сколько их есть в Москве, учебные заведения музыкального профиля и разнести весть о том, что по городу слоняется безработный педофил.

Тогда он оставил в покое музыкальные школы и стал, не прекращая поисков постоянной работы, давать частные уроки. Сходящими учениками Иван Николаевич старательно держал себя в руках, избегая даже случайных и мимолетных прикосновений, которые могли быть расценены как сексуальное домогательство. Потом ему удалось устроиться руководителем кружка в недавно открывшемся доме детского художественного творчества, и целых полтора года он мужественно боролся со своей любвеобильной натурой. Но натура все-таки взяла свое, и в один далеко не прекрасный день только что принятая в кружок ученица пожаловалась зашедшей за ней маме на то, что Иван Николаевич ее, видите ли, «трогал».

На этот раз скандала избежать не удалось, чертова мамаша подняла адский шум, дошла до прокуратуры и даже добилась возбуждения уголовного дела, которое, к счастью, очень скоро закрыли за отсутствием состава преступления. С работы, разумеется, пришлось уйти. Хуже того, Иван Николаевич не сумел вразумительно объяснить жене причины своего внезапного увольнения, она не придумала ничего умнее, как отправиться в дом детского творчества выяснять отношения, и там ей с охотой открыли глаза на то, с кем она, оказывается, живет под одной крышей. В тот же день, даже не заходя домой, жена подала на развод, а уже назавтра ушла, забрав обоих детей. Привычная, налаженная и приятная во всех отношениях жизнь Ивана Николаевича Серебрякова пошла

прахом, и случилось это из-за такой не стоящей упоминания мелочи, как единственное мягкое, почти незаметное прикосновение к крошечному упругому бугорку под девичьей блузкой!

Именно пустячность поступка, приведшего к катастрофе, больше всего бесила тихого и безобидного преподавателя музыки. Наказание было несоизмеримо с его виной, и он практически сразу пришел к выводу, что это несоразмерно тяжкое наказание можно смело считать авансом – так сказать, предоплатой за то, что ему еще только предстояло совершить.

Теперь он по ночам работал лабухом в ресторане, а днем расставлял силки и капканы. Самой дорогой вещью в его убогой квартире был новенький компьютер с двухъядерным процессором и обширной оперативной памятью, буквально нашпигованный новейшими играми на любой вкус. Иван Николаевич терпеть не мог компьютеры, но научился с ним обращаться, потому что эта приманка безотказно срабатывала в девяти из десяти случаев. Его холодильник ломился от пирожных, шоколадных батончиков и кока-колы, хотя Серебряков с шестнадцати лет в рот не брал сладкого, а в платяном шкафу с его одеждой соседствовали кружевные платица и даже школьная форма старого образца с белым фартучком и пионерским галстуком. Он был предельно осторожен, никогда не прибегал к насилию, не снимал свои забавы на видео (хотя иногда ему этого очень хотелось) и, уж конечно, не вел никаких дневниковых записей. Он внимательно просматривал все посвященные уличенным педофилам телевизионные программы, мотал увиденное на ус и, как подобает умному человеку, учился на чужих ошибках. Ему накрепко врезались в память слова, сказанные на прощание молодым, но дьявольски въедливым следователем прокуратуры Кузнецовым: «Мы еще встретимся, Серебряков. Такие, как вы, никогда не останавливаются сами». «Черта с два», – подумал тогда Иван Николаевич и с тех пор делал все, чтобы обещанная встреча не состоялась. Следователь оказался прав в одном: Иван Николаевич действительно не собирался останавливаться, даже если бы это было в его силах.

Полоска рассвета становилась все шире, расползаясь по небу и окрашивая его в сероватый предутренний цвет. В ушах все еще бренчали и гремели отголоски ресторанной музыки, под веками было такое ощущение, словно туда насыпали по пригоршне песка. Иван Николаевич с усилием проглотил последний кусок горбушки, отошел от окна, включил свет и наполнил водой красный эмалированный чайник со свистком. Поставив его на огонь, он закурил, открыл форточку, а потом отыскал на полке пакетик с ромашковым чаем и пузырек с

валерьянкой – проверенные, не наносящие вреда организму средства, без которых в последнее время ему стало трудно уснуть. Если не успокоить нервы после грохочущего ресторанного ада, можно проворочаться с боку на бок до самого утра, а потом проспать почти весь день. Проспать целый день Иван Николаевич просто не мог себе позволить, поскольку днем он принимал гостей. Школы, как известно, работают в две смены, и кое-кто из детишек, на всю первую половину дня остающихся без присмотра ушедших на работу родителей, забегал к «дяде Ване» поиграть в компьютер и съесть что-нибудь вкусненькое с утра пораньше. Какой уж тут сон!

Внизу коротко прошуршали по асфальту шины подъехавшего автомобиля. Урчание двигателя стихло, и в спящем дворе снова воцарилась полная тишина, какая бывает только перед рассветом. Иван Николаевич выглянул в окно, любопытствуя, кому это не спится в глухой предутренний час, и увидел скромную серую «девятку», рябую от осевших на ней капель ночной росы. Дверца со стороны водителя начала открываться, но тут за спиной у Серебрякова пронзительно, на весь дом засвистел чайник, и Иван Николаевич, забыв о машине, кинулся к плите: соседка-пенсионерка из двадцать второй квартиры спала чутко, имела чрезвычайно сварливый характер и просто обожала писать жалобы в различные инстанции, начиная с жилконторы и кончая администрацией президента.

Кипяток, плюясь горячими брызгами, полился в пол-литровую фаянсовую кружку, где Иван Николаевич по-холостяцки заваривал чай. По кухне начал распространяться запах ромашкового настоя. Раздавив окурок в заменявшем пепельницу надтреснутом блюдце, Серебряков подсел к столу и стал помешивать чай ложечкой, чтобы быстрее заварился. Ложечка уютно звякала о фаянс, перед мысленным взором начали возникать, сменяя друг друга и постепенно становясь все ярче и смелее, заманчивые картинки завтрашнего дня. Иван Николаевич улыбался, смакуя их, как редкое лакомство; приятнее всего было то, что любую из этих заманчивых картинок он мог запросто воплотить в жизнь.

Каждого человека с нормально функционирующим половым аппаратом в течение жизни то и дело посещают более или менее грязные фантазии. Разница между людьми заключается не в том, насколько непристойны создаваемые их воображением картины, а в том, что одни удовлетворяют свои желания, а у других фантазии так и остаются фантазиями, постепенно уходя все глубже в подсознание и исподволь подтачивая психическое здоровье. Иван Николаевич

Серебряков считал, что лучше сожалеть о сделанном, чем об упущенных возможностях, тем более что пока ему ни о чем не приходилось жалеть. Да, его не поняли, выставив перед всеми каким-то маньяком-извращенцем, но разве в этом виноват он? Гомосексуалистов, помнится, тоже сажали в тюрьму, а теперь общество не видит в однополый любви ничего предосудительного. И вообще, «Лолиту» Набокова, небось, все читали, а чем герой этой книги лучше Ивана Серебрякова? Тем не менее, у читателей он вызывает сочувствие, а таких, как Серебряков, травят, как бешеных собак...

Со стороны прихожей, заглушаемый звяканьем ложечки, послышался какой-то шум. Иван Николаевич перестал помешивать чай и прислушался. Шум не повторился, в квартире стояла мертвая предутренняя тишина, нарушаемая только тихим журчанием воды в неисправном бачке унитаза. Тем не менее, Иван Николаевич был уверен, что что-то слышал. Вообще-то, он мог навскидку, не задумываясь, назвать не менее пяти возможных источников посторонних звуков в этой старой, постепенно разрушающейся железобетонной берлоге. В ванной периодически падала кафельная плитка, от стен в прихожей отходили обои, трескалась и выпадала штукатурка, которой были замазаны стыки бетонных плит на потолке. Кроме того, в доме водились мыши, которые ночами шуршали под ванной и периодически опрокидывали стоявший на полочке под зеркалом пластмассовый стаканчик с одинокой зубной щеткой.

Правда, звук, который послышался Ивану Николаевичу, больше походил на щелчок дверного замка, но это уже был полнейший бред. Ведь он же запер дверь! Или все-таки не запер?

Он отчетливо помнил, что, войдя в квартиру, первым делом привычно повернул барашек замка, но возникшее подозрение все же следовало проверить. Память могла подвести, подсунув вместо того, что было на самом деле, картинку, запечатлевшую одно из тех бесчисленных возвращений домой, когда он действительно запирает дверь. К тому же, бывало, и не раз, что он поворачивал барашек замка раньше, чем дверь закрывалась до конца, о чем обычно возвещал стук металлического ригеля о дверной косяк. Короче говоря, Иван Николаевич Серебряков был не чужд рассеянности, свойственной, по слухам, подавляющему большинству творческих людей.

Иван Николаевич медленно встал из-за стола. Сердце билось часто и сильно, в ногах ощущалась неприятная ватная слабость, и он отлично знал, в чем причина его испуга. Хорошо, если щелчок ослабшей пружины замка ему послышался. А

если нет? Сам собой, от сквозняка, замок щелкнуть не может, это происходит, когда дверь отпирают или, наоборот, запирают. Для этого необходимо повернуть ключ, а эта задача не по силам обитающим под ванной мышам...

В большом городе рассеянность порой обходится дорого, и у Ивана Николаевича было подозрение, что настал его черед узнать, насколько высокой может оказаться цена царящего внутри черепной коробки творческого беспорядка. Он все еще надеялся, что стал жертвой вызванной усталостью слуховой галлюцинации, но рука сама собой протянулась к магнитной доске над мойкой и сняла с нее самый большой из имеющихся в хозяйстве кухонных ножей.

Стараясь не думать о том, насколько глупо выглядит с ножом в руке и насколько бесполезным может оказаться это смехотворное оружие (да и любое другое, коль скоро оно находится в руках у музыканта, а не у матерого спецназовца), он вышел из кухни и на цыпочках двинулся в сторону прихожей. Он вздрогнул, когда под ногой скрипнула половица, и тут же подумал, что это к лучшему: если там, у входа, и впрямь затаился неизвестный взломщик, то, услышав этот осторожный, крадущийся скрип, он может передумать и, пока не поздно, задать стрекача. В конце-то концов, настоящий, профессиональный домушник вряд ли сунется в такую непрезентабельную дверь, как его, да еще когда в квартире горит свет.

Эта мысль его немного успокоила. Квартирные воры, независимо от уровня своей квалификации, старательно избегают встреч с хозяевами. Конечно, нынче в России развелась тьма-тьмущая отморожков, которые не останавливаются даже перед пытками и убийствами, вымогая у несчастных больных стариков их жалкие сбережения. Но такие налетчики действуют по-другому, они нападают сразу, не давая жертве опомниться и принять хоть какие-то меры самозащиты...

Слегка осмелев, он решительно шагнул вперед, заглянул в прихожую и испуганно отпрянул, почти столкнувшись со стоящим в полумраке узенького коридорчика человеком. Успев заметить только кожаный пиджак, густую бороду и усы, Иван Николаевич вскрикнул и неуверенно замахнулся ножом, желая не столько ударить, сколько напугать незваного гостя.

Гость отреагировал мгновенно и жестко. Туго обтянутая латексной хирургической перчаткой ладонь сжалась в кулак, кулак стремительно рванулся вперед и с высокой точностью и завидной силой ударил хозяина в подбородок. Иван Николаевич Серебряков никогда не занимался боксом; драчуном он не был

даже в детстве, и ударов, подобных тому, который ему нанес взломщик, не получал никогда. Ему не раз случалось видеть драки на экране телевизора, и он недоумевал: неужели, схлопотав кулаком по физиономии, человек действительно может потерять сознание? Сейчас он убедился, что кинематографисты не врали: мозг внутри его черепа, казалось, болезненно подпрыгнул, мир перед глазами стремительно и косо скользнул куда-то вбок, и Иван Николаевич лишился чувств раньше, чем его лопатки коснулись пола.

– Нокаут, – констатировал взломщик и, перешагнув распростертое на полу тело, вошел в комнату.

Серебряков пришел в себя, не имея ни малейшего представления о том, сколько времени провел без сознания. Голова гудела и раскалывалась, ноздри были забиты пронзительной вонью нашатырного спирта. Он сидел на диване, который заодно служил ему и кроватью, и местом любовных утех, руки его были крепко связаны за спиной, а рот, судя по ощущению, был чем-то заклеен. Бородатый взломщик стоял перед ним, держа в одной руке открытый пузырек с нашатырем, а в другой – большой, устрашающего вида охотничий нож с отполированным до зеркального блеска широким лезвием. Присмотревшись, Иван Николаевич пришел к выводу, что растительность на физиономии налетчика выглядит как-то ненатурально и, вероятнее всего, является накладной. Это словно открыло ему глаза, и он вздрогнул, узнав незваного гостя.

– Отлично, – сказал тот, заметив и верно расценив произвольное движение хозяина. – Вижу, представляться не надо. Тогда продолжим.

Он сделал шаг в сторону, и Серебряков вздрогнул вторично, увидев изменения, внесенные гостем в интерьер его холостяцкой берлоги. Снятая люстра лежала на столе, растопырив хромированные рога, а с крюка, на котором она прежде крепилась, свисало то, что еще несколько минут назад было обыкновенным кабелем телевизионной антенны. Теперь этот прочный, шестимиллиметрового диаметра шнур в эластичной белой изоляции приобрел иное, зловещее назначение, о чем свидетельствовала завязанная на его нижнем конце скользящая петля-удавка. Прямо под ней, красноречиво свидетельствуя о намерениях гостя, стояла принесенная из кухни табуретка.

Взломщик закупорил пузырек и спрятал его в карман, а потом сгреб Ивана Николаевича свободной рукой за грудки и мощным рывком поднял с дивана. Поняв, куда его ведут, Серебряков забился, как пойманная рыба, глухо мыча

сквозь стянувший губы пластырь.

– Тихо, мразь, – сквозь зубы процедил взломщик, сильно встряхнув свою жертву. – Тихо, я сказал! Веди себя прилично, похотливая скотина. Ты в любом случае покойник, но, если будешь дергаться, мне придется сначала отрезать и скормить тебе твое драгоценное хозяйство, которое ты вечно суешь, куда не следует.

Иллюстрируя это заявление, он чувствительно кольнул Ивана Николаевича в пах кончиком ножа. Серебряков вздрогнул и перестал сопротивляться. Глаза у него защипало, по щекам потекли слезы.

– Плакать надо было раньше, – без тени сочувствия сообщил налетчик. – И не над собой, а над теми, кому ты на всю жизнь изуродовал психику. Полезай на табурет, живо!

Выполняя этот приказ, сопровождавшийся грубым тычком в поясницу, Иван Николаевич потерял равновесие и едва не упал. Налетчик поддержал его и помог взгромоздиться на табурет.

– Закон смотрит на таких, как ты, сквозь пальцы, – говорил он, накидывая на шею судорожно всхлипывающей жертве сделанную из скользкого коаксиального кабеля петлю. – Даже когда вас сажают, сроки дают такие, что это больше похоже на издевательство над потерпевшими, чем на справедливое возмездие. Тут налицо явная недоработка законодательных органов, и я решил исправить положение – ну, разумеется, настолько, насколько это в моих силах. Всех, к сожалению, не перевешаешь, да и мараться об вас, сволочей, противно, но, как говорится, кто же, если не я?

Тон у него был спокойный, повествовательный, абсолютно будничный; подтягивая скользкий узел удавки, он произвольно зевнул, деликатно прикрыв рот рукой, в которой держал нож. Эта будничная деловитость вселила в Ивана Николаевича ощущение полной, окончательной безнадежности. Человек в фальшивой бороде не лгал: он мог с чистой совестью считать себя покойником. Тем не менее, в глубине его души еще теплилась слабенькая надежда на то, что весь этот кошмар может оказаться жестоким розыгрышем, предпринятым в сугубо воспитательных целях. Если бы Ивану Николаевичу сейчас дали слово, он поклялся бы самой страшной клятвой, что больше никогда в жизни даже не

посмотрит в сторону детей, не говоря уже о том, чтобы, как это называется в уголовном кодексе, «предпринимать действия сексуального характера в отношении лиц, не достигших совершеннолетия». Более того, он был уверен – по крайней мере, в данный момент, – что сдержит эту клятву, причем без особого труда: после пережитого ужаса полная импотенция была ему, можно сказать, гарантирована.

Слово Ивану Николаевичу дали незамедлительно – правда, совсем не так, как ему хотелось бы.

– Напоследок всего два вопроса, – все тем же деловито-будничным тоном произнес убийца, стоя у него за спиной. – Если ответ утвердительный, просто кивни. Итак, первый вопрос: ты понимаешь, что происходит?

Серебряков торопливо кивнул. Поскольку дело дошло до вопросов и ответов, надежда в его душе окрепла и распустилась пышным цветом.

– Вопрос второй, – продолжал убийца. – Почему это происходит, ты понимаешь?

Иван Николаевич снова кивнул, уже почти уверенный, что вот сейчас с его рта, наконец, снимут пластырь, чтобы он мог покаяться и пообещать никогда более не повторять допущенных в прошлом ошибок.

– Ну, тогда я за тебя спокоен, – сказал убийца. – С богом, родимый!

За этими словами последовал небрежный толчок в спину. Иван Николаевич Серебряков покачнулся, напрягся всем телом, пытаясь удержать ускользающее равновесие, не удержал и, потеряв опору, шагнул с края табурета в пустоту.

* * *

Капитан Быков из убойного отдела привалился задом к обшарпанному, местами облупившемуся до голой древесины подоконнику и закурил, стараясь не смотреть на лежащее на полу накрытое простыней тело. Учитывая мизерную площадь загроможденного мебелью помещения, эта задача представлялась трудновыполнимой, труп занимал едва ли не все свободное пространство пола, почти касаясь ногами запыленного пианино, а головой – тумбочки, на которой

стоял телевизор. Из-под простыни, лениво извиваясь, тянулся в сторону компьютерного стола обрезок белого коаксиального кабеля. Кабель был завязан узлом на ржавом, испачканном известкой металлическом крюке. В потолке на том месте, где когда-то висела люстра, зияла неровная, с торчащими оголенными проводами дыра, в которой виднелись ржавые прутья арматуры, на полу валялись крошки бетона и куски штукатурки. Крюк, рассчитанный на люстру, не выдержал веса немолодого, грузного мужчины и вылетел из гнезда – возможно, прямо в момент смерти потерпевшего, а может быть, какое-то время спустя.

Снятая люстра лежала на столе, растопырив увенчанные пыльными стеклянными плафонами хромированные рога, рядом с телом валялся на боку опрокинутый табурет. На полу рядом с диваном тускло поблескивал сточенным лезвием большой кухонный нож. На кухне бойко тараторил женский голос – там старлей Васин допрашивал свидетельницу, въедливую, по всему виду, старуху из двадцать второй квартиры, которая нынче ночью будто бы слышала доносившиеся из-за стены звуки – шаги, свисток чайника, глухой шум падения... Собственно, если ее показания и могли что-то добавить к простой и ясной картине происшествия, так разве что более или менее точное время смерти потерпевшего. В остальном же налицо было обыкновеннейшее самоубийство – так, по крайней мере, хотелось считать капитану Быкову, и он намеревался отстаивать эту точку зрения до победного конца, поскольку вовсе не нуждался в еще одном «глухаре».

На его взгляд, говорить о самоубийстве можно было с почти стопроцентной уверенностью. Легкие сомнения у него лично вызвали всего две детали. Во-первых, нож, которым покойный, предположительно, отхватил кусок антенного кабеля, чтобы соорудить для себя петлю, был, мягко говоря, туповат, а конец кабеля вовсе не выглядел искромсанным – напротив, он был обрезан чисто, одним точным косым движением. А во-вторых, на подбородке потерпевшего красовался знатный кровоподтек, как будто незадолго до смерти его мастерски, и притом довольно сильно, двинули в челюсть.

Закрывать глаза на эти мелочи было бы легче легкого, если бы не одна маленькая, но крайне неудобная деталь: на дежурство в прокуратуре сегодня заступил следователь Кузнецов, который, несмотря на молодость, славился своей принципиальной въедливостью. Упомянутая въедливость попортила много крови оперативникам и лично капитану Быкову; единственное, что отчасти примирило капитана с этим неудобным качеством следователя Кузнецова, это то, что

редкий нарушитель закона, попав в его поле зрения, ухитрялся выйти сухим из воды. Пресловутая формула: «Мы ловим, они выпускают», в случае с Кузнецовым практически никогда не срабатывала, и мало какой адвокат мог развалить дело, которое вел и готовил для передачи в суд этот тридцатилетний мальчишка.

В крохотной прихожей послышался шум, и в комнату боком вдвинулся сержант патрульно-постовой службы.

– Следственная бригада прибыла, – сообщил он Быкову и, обернувшись, сказал кому-то в прихожей: – Проходите, это здесь.

– Спасибо, сержант, свободен, – откликнулся оттуда знакомый голос.

«Легок на помине», – подумал Быков, имея в виду следователя Кузнецова.

В прихожей «хрущевки» было не разминуться, и сержант попятился, пропуская вновь прибывших в комнату. Первым вошел эксперт-криминалист – лысоватый, чернявый, юркий, в очках с толстыми линзами и несвежей рубашке, что выглядывала из-под вязаного джемпера. Окинув комнату быстрым взглядом, он отыскал свободную поверхность, которой оказалась крышка пианино, и, пристроив на ней свой чемоданчик, первым делом натянул тонкие латексные перчатки.

За криминалистом, обойдя громоздкого сержанта, в помещение прошел Кузнецов – высокий, русоволосый, коротко стриженный, по-спортивному подтянутый и, как всегда, мрачноватый, будто погруженный в решение какой-то важной задачи или одолеваемый невеселыми мыслями. Он был замкнут и неразговорчив; многие считали это признаком заносчивости и высокомерия, но неплохо разбиравшийся в людях капитан Быков был уверен, что угрюмая молчаливость Андрея Кузнецова происходит от детской застенчивости, которую тот безуспешно пытается скрыть от окружающих.

Поздоровавшись с капитаном за руку, следователь покосился в сторону кухни, где бойкая старуха насмерть забалтывала старлея Васина, по третьему кругу рассказывая, как ее посреди ночи разбудил свисток соседского чайника, а затем окинул место происшествия профессионально цепким взглядом.

– И что тут у нас? – спросил он.

– По-моему, типичное самоубийство, – почти не кривя душой, ответил Быков. – Пришел человек домой, явно в расстроенных чувствах, заварил ромашковый чай для успокоения нервов, валерьянку достал – и то, и другое так в кухне на столе и стоит. А потом передумал чаевничать, отпиллил ножиком кусок антенны, люстру с крюка снял, завязал петельку... В общем, не наш клиент.

– Личность установили? – поинтересовался Кузнецов, присаживаясь рядом с трупом на корточки и берясь кончиками пальцев за уголок простыни.

– Соседка опознала, – откликнулся капитан. – Хозяин квартиры, некто Се...

– Не надо, – перебил его следователь, вглядываясь в посиневшее лицо удушенника. – Я его знаю. Ну что, Серебряков, – обратился он к мертвецу, – вот и встретились, как я тебе и обещал. От меня ты ушел, а от бога, видишь, не увернулся...

– Старый знакомый? – поинтересовался капитан.

Кузнецов кивнул и поднялся с корточек.

– Приступай, Михалыч, – сказал он эксперту. – Посмотри хорошенько вокруг рта и на запястьях.

– На предмет? – остро блеснув в его сторону стеклами очков, спросил тот.

– Следы веревок, кляпа или клеящего состава с пластыря или скотча, – сказал Кузнецов. – Не нравится мне синяк у него на подбородке. Посмотри, нет ли других следов борьбы.

– Это уж как водится, – проворчал криминалист и, бесцеремонно оттерев его в сторону, склонился над телом.

Капитан Быков подавил вздох при виде того, как начинает проявляться знаменитая въедливость следователя Кузнецова.

– Ты не в курсе, кем он работал в последнее время? – поинтересовался тот, разглядывая дыру в потолке с таким видом, словно рассчитывал найти там улики, свидетельствующие о том, что здесь произошло обставленное под суицид зверское убийство.

– Соседка говорит, вроде, музыкантом в каком-то кабаке. Хотя на лабуха он, по моему, не похож...

– Не похож, – согласился Кузнецов. Он оставил в покое дыру и, протиснувшись мимо колдующего над трупом эксперта, принялся теревить торчащий из-за шкафа конец обрезанного кабеля. – Лабух – это не от хорошей жизни. Раньше он был педагог, преподавал игру на фортепиано в музыкальной школе.

Он кивнул на служившее подтверждением его слов пыльное пианино и, не выпуская из рук конец кабеля, уставился на валяющийся на полу кухонный нож. Быков снова подавил вздох: этот парень все подмечал, да еще и, как выяснилось, был знаком с погибшим. Сейчас еще скажет, что у покойника было полно врагов или ревнивая любовница, которая могла его заказать, и пошла писать губерния...

– А потом? – спросил он, чтобы отвлечь Кузнецова от ножа и кабеля.

– А потом – суп с котом, – сообщил следователь. – Детишек он очень любил. Так сильно любил, что из школы его вежливо попросили, а в другую уже не приняли. Кое-как устроился в дом детского творчества руководителем кружка, пару лет держался, а потом опять за старое... Ну, а дальше, сам понимаешь – скандал, увольнение, развод... Даже уголовное дело возбудили. Но состава преступления обнаружить не удалось, так что отделался легким испугом. А теперь – вот...

Быков скорчил брезгливую гримасу. За годы оперативной работы он навиделся всякого, в том числе и извращенцев всех мастей, но уразуметь, как здоровый мужик может испытывать половое влечение к ребенку или к другому мужику, так и не смог – это было выше его понимания.

– Совесть замучила? – предположил он.

– Сомневаюсь, что она у него была, – возразил Кузнецов. – Скорее уж, опять влип в какие-то неприятности. Жилось ему в последние годы, судя по всему, и без

того несладко, вот психика и не выдержала. Валерьянка, говоришь?

- Ну, - утвердительно произнес Быков. - По-моему, все отлично сходится. Влип, как ты говоришь, в какую-то историю, психанул...

- Следы веревок и кляпа отсутствуют, - высказался в его поддержку эксперт. - Видимых следов борьбы нет, кроме кровоподтека на подбородке. Кровоподтек прижизненный, получен, судя по цвету, за несколько минут до смерти - может быть, за час, но никак не больше.

- Вот, - сказал Быков. - Типичное самоубийство!

- А кровоподтек?

- А что кровоподтек? Может, он из-за него и повесился! Дали в морду в темном дворе, или сам дома обо что-нибудь треснул и окончательно распсиховался. Даже чай пить не стал - схватил ножик и побежал вешаться.

- Возможно, - сказал Кузнецов. - Но не факт. Надо все проверить. Узнать, были ли у него неприятности, и если да, то какие именно. Может быть, ему кто-то угрожал...

- Ну вот, - с тоской произнес Быков, - уже и угрожал!

- Почему бы и нет? При его наклонностях обзавестись врагами в лице чьих-нибудь родителей - пара пустяков. Один хороший удар в подбородок, и человек в глухом ауते. Связываешь его скотчем, который не оставляет рубцов на коже, заклеиваешь пасть, чтобы не переполошил соседей, и вешаешь. Потом аккуратно срезаешь путы, а следы липкой ленты легко удалить - спиртом, например, или обыкновенной теплой водой...

- Ну-ну, - недоверчиво сказал Быков. - Ты не перегибай, ученая голова! Кто его, по-твоему, пришел - профессор Мориарти?

- Возможно, - повторил следователь. - Как выражался один юморист, не все же в деревне дураки... Надо опросить свидетелей. Может, кто-нибудь видел, как ночью в подъезд входил посторонний человек, или заметил какую-то машину...

– Ребята уже на обходе, – вздохнул капитан. – Только черта лысого они выходят. Какие свидетели в четвертом часу ночи? Соседка слышала шум – чайник со свистком ее, понимаешь ли, разбудил, – но окна у нее в квартире на другую сторону, так что видеть она ничего не видела...

– Он тебе еще нужен? – спросил у Кузнецова эксперт и, дождавшись отрицательного покачивания головы, крикнул в сторону прихожей: – Сержант, можно выносить!

В прихожей стукнула дверь, с лестничной площадки донесся голос сержанта, который разговаривал по рации. Вскоре в квартиру, топоча, как лошади, вошли два дюжих санитара в броской униформе Центроспаса. В комнате, где и до их появления было тесно, стало не повернуться. Они сняли с шеи погибшего удавку, упаковали его в черный пластиковый мешок, погрузили на носилки и, неловко протиснувшись через мизерную прихожую, освободили помещение. На полу остался только очерченный мелом контур тела да растянувшаяся, как дохлая змея-альбинос, удавка.

Снаружи было слышно, как санитары, сдавленно матерясь и скребя ручками носилок по стенам, с трудом разворачивают свою ношу на узкой лестничной площадке. Потом кто-то, видимо, сержант, закрыл дверь квартиры, и удаляющиеся голоса зазвучали глуше, а вскоре и вовсе стихли. Внизу гулко бабахнула дверь подъезда, и через открытую форточку на кухне стало слышно, как санитары возятся около своего микроавтобуса.

Эксперт, высоко, как журавль, поднимая ноги, чтобы не затоптать улики, расхаживал по комнате, щелкая затвором фотоаппарата и слепя глаза вспышками блица. Из двери, что вела на кухню, высунулся старлей Васин – молодой, круглолицый, румяный и лопухий, неизменно вызывавший горячую симпатию у дам пенсионного и предпенсионного возраста.

– Вопросы к свидетелю есть? – спросил он, адресуясь к Кузнецову.

– Ты все запротоколировал? – ответил тот вопросом на вопрос.

– Обижаешь, начальник, – хмыкнул Васин и, выставив перед собой растопыренную пятерню, несколько раз сжал и разжал пальцы. – Мы писали, мы писали, наши пальчики устали...

- Тогда вопросов нет, - сказал Кузнецов.

- Так я отпускаю?

- Конечно.

Свидетельница, сухонькая и востроносенькая старушенция в надетом поверх синего свитера цветастом халате и домашних шлепанцах с меховой оторочкой, в сопровождении старлея появилась из кухни и проследовала к выходу. По дороге оба не переставали говорить: Васин благодарил старушенцию за оказанную ею неоценимую помощь следствию, а старушенция уверяла, что все это пустяки, что покойный был мужчина тихий, положительный и безвредный и что если бы ее спросили, скажем, про Масловых из двадцать седьмой или Назаровых из восемнадцатой, она бы такого порассказала, что только держись!

- Уф, - сказал Васин, закрыв за ней дверь и вернувшись в комнату.

Быков, который по-прежнему стоял, привалившись тощим задом к подоконнику, закурил новую сигарету.

- Протокол покажи, - потребовал Кузнецов, пристроился рядом с Быковым и широко, с риском вывихнуть челюсть, явно непроизвольно зевнул. - Сигареткой угостишь?

- Не выспался, ловелас? - усмехнулся капитан, протягивая ему открытую пачку. - Понимаю, дело молодое!

- Ага, - хмыкнул Кузнецов, выуживая из пачки сигарету. - С такой жизнью забудешь, как оно делается, это молодое дело!

- Что так? - сочувственно поинтересовался Быков.

- Бомжи жмура за городом в венткамере брошенной теплотрассы нашли, пришлось выезжать.

- За городом? - удивился капитан. - Так это ж не наша земля!

– Земля не наша, зато жмур наш, – вздохнул Кузнецов. Капитан дал ему прикурить, и они дружно задымили. – Там же, в камере, в углу, нашли его водительское удостоверение и документы на машину – наверное, из кармана выпали или убийца впопыхах обронил. Такая вот, понимаешь, случайность: труп облили бензином и сожгли, обуглился до полной неузнаваемости, а документы целехоньки...

– Странная случайность, – выпустив в потолок длинную струю дыма, с глубокомысленным видом заметил Быков. – Может, этот, которого документы, сам все подстроил? Грохнул какого-нибудь бомжа, свои ксивы подбросил, а сам рванул к теплому морю или, наоборот, за Уральский хребет...

– Возможно, – ввернул свое любимое словечко Кузнецов. – Экспертиза покажет. Я видел его медицинскую карту. Там значатся аппендэктомия и перенесенный в детстве перелом стопы – левой, кажется, хотя точно не помню. И даже панорамный рентгеновский снимок обеих челюстей имеется.

– Ну, челюсти, челюсти... – проворчал Быков. – Челюсти под готовый снимок подогнать можно. Помнишь, было такое кино с Брюсом Уиллисом – «Девять ярдов»? Так там жмуру здоровые зубы сверлили и коронки ставили. И как раз перед тем как спалить. А шрам от удаления аппендикса – не такая уж редкая штука, даже у бомжей. Правда, такого стоматолога, чтоб согласился у мертвяка в пасти ковыряться, не в каждой поликлинике найдешь, да и перелом стопы... Не будешь ведь у каждого встречного бомжа спрашивать: слышь, болезный, ты в детстве стопу не ломал? Таких, с переломом в нужном месте, может, один на тысячу...

– А с полным набором зубов – один на миллион, – в тон ему подхватил Кузнецов. – Кто бы послушал, какой бред мы с тобой несем!

– Полный, – подтвердил Васин, который уже вернулся в комнату и стоял рядом с протоколом свидетельских показаний в руке.

– Абсолютный, – поддакнул эксперт, зачехляя фотоаппарат. – Я бы даже сказал, эталонный.

– Вам что, умники, заняться нечем? – прикрикнул на них Быков. – Васин, ты выяснил, где работал этот педофил?

– Почему педофил? – удивился старлей, пропустивший рассказ Кузнецова о некоторых подробностях биографии покойного Ивана Николаевича Серебрякова.

– Потому что таким уродился, – проинформировал его капитан. – Так ты выяснил или нет?

– Клуб «Башня», – сообщил Васин.

– Вот и дуй прямо сейчас в эту «Башню». Выясни, не было ли у него на работе каких-то неприятностей, конфликтов. Может, он жаловался на кого-то... или на что-то. Ну, словом, по полной программе, выжми их там досуха. И давай побыстрому, одна нога здесь, другая там. Надо разгребаться с этой ерундой поскорее и закрывать дело к чертовой матери – повесился и повесился, не нам его за это наказывать. Правильно я говорю, прокуратура? – напористо обратился он к Кузнецову.

– Да, наверное, правильно, – проявил не свойственную ему сговорчивость следователь. И тут же добавил: – Конечно, если откроются новые обстоятельства...

– Ну, если откроются, тогда – конечно, – поддакнул Быков, усмехнувшись про себя. Судя по взгляду, который бросил на него Васин, сообразительный старлей отлично понял, что имел в виду старший по званию.

Следователь прокуратуры Андрей Кузнецов, в свою очередь, был далеко не глуп и, разумеется, тоже прекрасно понял, что означал этот безмолвный обмен мнениями. Тем не менее, он промолчал. Капитан Быков по достоинству оценил это молчание и мысленно отметил как весьма положительный тот факт, что парень, кажется, потихоньку начинает набираться житейского опыта, который сплошь и рядом оказывается намного ценнее ума.

Глава 3

Убавив яркость компьютерного монитора до минимума, Глеб Сиверов снял очки с затемненными стеклами и некоторое время, зажмурившись, массировал двумя

пальцами натруженную переносицу. Из динамиков мягкими волнами плыла музыка; звучал Мендельсон, и на его фоне картинка минувшего дня, мелькавшие перед внутренним взором Слепого, выглядели довольно странными и казались какими-то ненастоящими. Реальной была музыка, и Глеб понимал, что это правильно: эта мелодия звучала за сотни лет до его рождения и будет звучать через столетия после того, как он умрет. А стеклянные небоскребы Москва-Сити, бешеные потоки транспорта, роскошные особняки вдоль Рублево-Успенского шоссе и задерганные, нервные, вечно куда-то спешащие люди, к числу которых относится и Глеб Сиверов, промелькнут и исчезнут, не оставив в истории сколько-нибудь заметного следа.

Не открывая глаз, он нашарил на столе справа от себя пачку, вытряхнул из нее сигарету и выкурил ее целиком, до самого фильтра, понемногу, капля за каплей, изгоняя из себя оставшийся позади бестолковый, полный раздражающей суеты и мелких неудач день. Раньше, причем не так уж и давно, суеты он просто не замечал, а к неудачам относился философски, как к неотъемлемой части своей профессии – да, в сущности, и жизни любого человека. Отношение к жизни у него не изменилось, вот только ближе к вечеру он начал сильно от всего этого уставать – так, как никогда не уставал раньше.

Глеб подумал, не выпить ли ему наркомовские сто граммов для поднятия боевого духа, и немедленно себя одернул: еще чего! То, что метод снятия стресса при помощи алкоголя чрезвычайно широко распространен, вовсе не означает, что он так уж хорош и годится для человека, практически всю жизнь расхаживающего по самому краешку бездны, откуда еще никто не возвращался. При его профессии даже самый уютный семейный вечерок может в единый миг перевернуться с ног на голову, обернувшись ситуацией, в которой эти самые сто граммов для бодрости окажутся лишними.

Он открыл глаза, старательно затушил в пепельнице окурок, сел ровнее и путем несложных манипуляций с компьютерной мышью вошел в базу данных ГИБДД. Пальцы привычно пробежались по клавиатуре, бойко настучав надежно сохраненный тренированной памятью номер автомобиля; проверив, не вкралась ли в номер опечатка, Глеб нажал ввод и присвистнул.

– Вот зараза, – сказал он, имея в виду вовсе не компьютер, который, как всегда, оказался на высоте, начав и закончив поиск за какие-то доли секунды.

Да, компьютер, разумеется, вовсе не был виноват в том, что под интересующим Глеба Сиверова номером в базе данных восемь лет назад был зарегистрирован муниципальный грузовик-мусоровоз. Глеб снова закрыл глаза и сосредоточился. Отодвинутая на задний план восприятия музыка зазвучала приглушенно, как сквозь толстую стену, а перед глазами, словно наяву, возник запыленный, как после долгой езды по проселочным дорогам, похожий на тупое зубило нос серой «лады» девятой модели. Пластиковый бампер треснул поперек, а к нему парой ржавых саморезов был привинчен номер – без сомнения, тот самый, который Глеб минуту назад набрал на клавиатуре своего компьютера. Следовательно, кто-то наврал – либо база данных (что было возможно, но сомнительно), либо память Глеба Сиверова (чего до сих пор не случилось ни разу), либо, что представлялось наиболее вероятным, водитель «девятки», предусмотрительно присобачивший к своему транспортному средству краденые, а может быть, просто фальшивые номерные знаки.

...Этот день он провел, наблюдая за объектом планируемой ликвидации, бизнесменом и политиком Александром Леонидовичем Вронским. Ровно в девять утра господин Вронский вышел из подъезда многоэтажной суперсовременной башни, на самой верхушке которой разместилась его скромная городская квартирка жилой площадью сто пятьдесят шесть квадратных метров, под бдительным присмотром телохранителей погрузился на заднее сиденье сверкающего черным лаком и хромом «майбаха» и в сопровождении джипа охраны отбыл в свой офис. Глеб последовал за ним на приличном удалении и убедился, что в этой части предоставленная Федором Филипповичем информация соответствует действительности. Охрана Вронского ежедневно меняла маршрут движения, но количество возможных маршрутов, как ни крути, было конечным, а смена их осуществлялась по четкой, хитроумно разработанной схеме, обнаружить и понять которую можно было лишь путем продолжительных наблюдений. Глеб отслеживал передвижения Вронского по городу уже третий день, и пока что они полностью совпадали со схемой, которую он получил от генерала. Количество охраны и распорядок дня также оставались неизменными и полностью соответствовали полученной информации.

Глеб уже начал понимать, что всесторонняя проверка займет слишком много времени; генерал будет недоволен, но это бы еще полбеды. Судя по тому, как хорошо продумана и тщательно организована система безопасности Вронского, начальник его охраны настоящий профессионал. Он далеко не глуп и, конечно же, понимает, что любая оборона уязвима, а любой тайный пароль рано или поздно становится достоянием широкой гласности. Значит, графики и маршруты движения, схемы расстановки постов и смены караулов тоже должны

периодически меняться. Новый алгоритм системы безопасности может быть введен в любую минуту, и тогда придется либо действовать наугад, либо начинать все с самого начала, с нуля.

Все это означало, что он должен поспешить, и Глеб просто не мог не раздражаться по этому поводу: он очень не любил, когда его торопили люди или обстоятельства.

Он как раз продумывал план своих дальнейших действий, когда обстановка вдруг начала меняться. Машина, в которой он сидел, наблюдая за офисом Вронского, была предусмотрительно припаркована поодаль от подъезда, чтобы ее номерные знаки, не говоря уже о личности водителя, не попали в поле зрения камер видеонаблюдения. Господин Вронский был богат и влиятелен настолько, что сумел заполучить в собственность, а главное, удержать при себе в ходе многочисленных переделов уютный трехэтажный особнячок на одной из тихих центральных улочек, где и разместил головной офис своего холдинга. Отреставрированный, обновленный и отремонтированный по последнему слову строительной моды особнячок снаружи выглядел, как игрушка, но Глеб знал, что этот пряничный бело-розовый домик можно чуть ли не одним нажатием кнопки превратить в неприступную крепость, способную выдержать даже профессиональный штурм. В этом, как было доподлинно известно Глебу, неоднократно убеждались отряды рейдеров, пытавшиеся силой оттяпать у господина Вронского этот лакомый кусочек ценящейся на вес золота московской недвижимости. Все эти попытки кончались одинаково: рейдеры спешно грузились в свой транспорт, унося раненых, а бывало, что и убитых, и несолоно хлебавши отбывали восвояси – оправдываться перед нанимателем и геройски отвоевывать полученный аванс, который у них пытались отобрать.

Глеб скучал, курил, поглядывал на часы, фиксируя все, что происходило на крыльце офиса и вокруг него, и всякий раз убеждаясь, что только даром тратит время: контора работала, как швейцарский хронометр, ни на минуту не отклоняясь от графика, который был ему известен.

Через некоторое время из глубины переулка показалась и, подъехав, остановилась на некотором удалении от здания запыленная серая «девятка». Глеб автоматически, по укоренившейся привычке подмечать и принимать к сведению все, даже самые незначительные, детали окружения, запомнил номер и временно сосредоточил на машине свое внимание: ему было интересно, кто это пожаловал в офис. Больше приехавшему просто некуда было податься.

Вдоль противоположного тротуара тянулся высокий кирпичный забор, ограждавший территорию каких-то складов. Территория была по периметру обсажена старыми липами, разросшиеся кроны которых зеленели молодой листвой и тихонько шумели на ветру, как будто за забором располагались не складские ангары, а парк или сад купеческого дома (как это, несомненно, и было лет двести тому назад). Справа от бело-розового пряничного особняка находилась обнесенная узорчатой чугунной решеткой территория больницы, а слева до самого перекрестка уныло серела, поблескивая пыльными стеклами многочисленных окон, стена какого-то казенного сооружения, в котором с одинаковым успехом могли располагаться как конторы или проектные бюро, так и сборочные цеха какого-нибудь электромеханического предприятия. Вход в это здание располагался за углом, на перпендикулярной улице, и, если водитель серой «девятки» прибыл не в офис Вронского, то, надо думать, ему просто не повезло найти подходящее место для парковки, и он припарковался там, где получилось.

К некоторому удивлению Глеба, из «девятки» никто не вышел. Подождав минут пять, он посмотрел на часы. Чувство времени его не подвело: до обеда было еще очень далеко, так что встречу в перерыве можно было с чистой совестью выбросить из головы.

Прошло еще пять минут, потом десять, пятнадцать. Водитель «девятки» оставался за рулем, из пряничного домика тоже никто не выходил. Потом ворота в кирпичном заборе, что ограждал территорию офиса, открылись, и из них, поблескивая черным металлом и густой тонировкой стекол, выкатился один из принадлежащих холдингу – читай, господину Вронскому – джипов. Данная поездка в расписании не значилась, но Глеба это не обеспокоило: в конце концов, перед ним был не собранный из пружин и шестеренок механизм, а здание, заполненное живыми людьми. Да и повседневная жизнь любой конторы – это совсем не то, что график движения поездов по железной дороге, в ней полным-полно мелких отклонений от внутреннего распорядка и того, что принято называть производственной необходимостью...

На всякий случай Глеб засек время и в ту же секунду заметил, как в приоткрывшемся окне «девятки» коротко блеснула линза фотографического объектива – судя по диаметру, мощного, телескопического. Это уже было по-настоящему любопытно, и с той минуты Сиверов наблюдал уже не столько за офисом, сколько за пыльной серой «ладой», гадая, что сие должно означать.

Ответов могло быть множество. Вронский имел огромное количество врагов, да и большинство тех, кого он называл своими друзьями, вздохнули бы с огромным облегчением, бросив горсть земли на крышку его гроба. Кто-то еще, помимо Глеба, мог выслеживать его, и с той же целью: убить, получив за это приличное денежное вознаграждение.

Далее, Вронский с некоторых пор стал человеком публичным, заделался медийной персоной и желанной добычей для папарацци, один из которых мог сидеть за рулем вызвавшей интерес Сиверова машины. В пользу этого предположения говорил как замеченный Глебом мощный профессиональный фотоаппарат, так и автомобиль, будто нарочно созданный для того, чтобы привлекать к себе как можно меньше внимания.

С таким же успехом человек в серой «девятке» мог работать на самого Вронского – например, проверять по его поручению надежность системы безопасности или следить за кем-то из служащих офиса. Он мог оказаться сотрудником налоговых органов, милиции, прокуратуры, частным детективом, адвокатом или просто ревнивым дружкой какой-нибудь секретарши – словом, кем угодно, в том числе и еще одним винтиком в механизме разработанной на Лубянке сложной многоуровневой операции по устранению Вронского, предусматривающей на конечном этапе ликвидацию непосредственного исполнителя.

Словом, неожиданное появление в данном уравнении неизвестной переменной Глеба Сиверова не обрадовало, поскольку могло означать буквально все что угодно. У него возникло сильнейшее искушение просто подойти к «девятке», вытряхнуть оттуда водителя и, пару раз ткнув носом в асфальт, вызвать его на откровенный разговор. Вот только водитель упомянутого транспортного средства вряд ли станет дожидаться, когда его вытряхнут из машины и начнут тыкать физиономией в мостовую, особенно если он действительно профессионал и, как и Глеб, ведет скрытое наблюдение за офисом Вронского. И в любом случае, даже если это случайный зевака, решивший от нечего делать сфотографировать понравившееся строение, затевать возню с применением насилия на виду у охраны и следящих видеокамер не стоит...

Между тем подошло время обеденного перерыва, о чем, помимо часов, возвестили сотрудники офиса, начавшие по одному и стайками покидать здание. На крыльцо вышли и, сложив руки поверх причинного места, замерли по обе стороны двери дюжие охранники, похожие на пингвинов-переростков в своих

угольно-черных костюмах и белоснежных рубашках. Их появление, по идее, означало, что сегодня господин Вронский намерен посвятить обеденный перерыв деловой встрече в каком-нибудь ресторане. Глеб на всякий случай запустил двигатель, краем глаза заметив облачко дыма, вылетевшее из выхлопной трубы серой «девятки», и приняв во внимание тот факт, что ее водитель, похоже, следит за тем же объектом, что и он.

Он не ошибся. Не прошло и пяти минут, как из зеркальных дверей офиса вышел господин Вронский в сопровождении целой стаи своих черно-белых «пингвинов». Разглядывая на фотографии его мужественное, с чеканными чертами лицо героя-любownika, было очень легко мысленно дорисовать к этой героической физиономии мускулистое тело двухметрового атлета. Фигура у Александра Леонидовича и впрямь была подтянутая, спортивная, с выправкой профессионального военного или, может быть, танцора, но ростом он едва дотягивал ста семидесяти, и Глебу было трудно отделаться от мысли, что это он нарочно, чтобы снайперу было труднее в него попасть.

Помимо охраны, Вронского сопровождал тучный и рыхлый, стремительно лысеющий господин в песочного цвета летнем пиджаке и темных, с металлическим отливом брюках. Под пиджаком, туго обтягивая объемистое брюхо, виднелась кремовая рубашка, жирную шею вместо галстука украшал повязанный с нарочитой небрежностью цветастый шелковый платок. Унизанная золотыми перстнями мясистая ладонь сжимала ручку шикарного портфеля из крокодиловой кожи, которая издавала выходящая натуральной и, вероятнее всего, именно такой и являлась. В свободной руке у толстяка был зажат носовой платок, которым он на ходу утирал свободные от растительности участки своей головы, не обходя вниманием и шею.

Этот, в отличие от Вронского, представлял собой завидную мишень – большую, яркую, буквально с первого взгляда вызывающую острую антипатию и желание спустить курок. Если предоставленная Глебу Федором Филипповичем информация соответствовала действительности, это был личный юрист Вронского и, пожалуй, единственный человек, которого в самом деле можно было почти без натяжек считать его другом – Марк Анатольевич Фарино, неразлучный спутник Александра Леонидовича чуть ли не со школьной скамьи, верный товарищ по юношеским проказам, надежная опора во всех начинаниях и модный, знающий адвокат, не проигравший ни одного судебного процесса – по крайней мере, ни одного из тех, в которых защищал интересы Вронского.

Присутствие адвоката косвенно подтверждало догадку Глеба: Вронский действительно ехал на деловую встречу, которую, как это принято у бизнесменов по всему миру, намеревался совместить с обедом в дорогом ресторане. Такие обеды редко обходятся без спиртного, а алкоголь как ничто иное способствует достижению взаимопонимания. Да еще если процесс распития сопровождается несмолкаемой болтовней господина Фарино, славящегося на всю Москву своим непревзойденным умением заговаривать зубы...

Сверкающий «майбах» величественно, как океанский лайнер, отчалил от крыльца и укатил, сопровождаемый джипом охраны. Глебу, по идее, полагалось бы последовать за ними, но он медлил, помня о серой «девятке». И он снова не прогадал: едва кортеж скрылся за поворотом, «девятка» сдала назад, резко развернулась посреди улицы и устремилась в погоню. «Ужасно интересно все то, что неизвестно», – сквозь зубы процитировал старую детскую песенку Сиверов и передвинул рычаг коробки передач.

Следовать за Вронским, оставаясь незамеченным и не рискуя при этом его упустить, было трудно. Москва с ее бесчисленными перекрестками, светофорами, умопомрачительными, запутанными, как клубок спагетти, развязками, бешеными транспортными потоками и поминутно возникающими буквально из ничего пробками – не лучшее место для такого рода преследования. Глеб лишь изредка видел впереди тяжелый, сверкающий на солнце любовно отполированными бортами «майбах», ориентируясь, в основном, по запыленной серой «девятке», водитель которой придерживался той же тактики, что и он: висел у Вронского на хвосте, стараясь не мозолить глаза охране. К счастью, поездка оказалась недолгой: вскоре кортеж Вронского, как и ожидал Глеб, остановился у ресторана, и Слепой получил передышку, как, к слову, и его конкурент на серой «девятке». Его пыльный драндулет, миновав ресторан, приткнулся на свободном месте у бровки тротуара метрах в двадцати от входа; Глебу пришлось проехать еще дальше, прежде чем он тоже сумел найти место для парковки.

Занимаясь этими поисками, он заметил на стоянке перед рестораном черный «мерседес» с думскими номерными знаками и кивнул, соглашаясь с собственными мыслями: да, политическая активность господина Вронского усилилась настолько, что стала видна невооруженным глазом, и, очевидно, именно она явилась причиной полученного ликвидатором по кличке Слепой заказа.

Отобедав, Вронский отправился не в офис и даже не в свою городскую квартиру, а в загородный особняк на Рублевке. Серая «девятка» последовала за ним, а Глеб последовал за серой «девяткой», четко при этом осознавая, что ведет себя крайне рискованно и делает совсем не то, что ему хотелось бы делать. Ехать за Вронским на Рублевку не было никакой необходимости, если не принимать в расчет необходимость выяснить, что задумал водитель «лады». Глеб тащился за ним, откровенно злорадствуя: Вронский ездил быстро, и пыльная отечественная керосинка, несмотря на усилия сидевшего за рулем человека, была явно не в состоянии выдержать такой темп.

Водитель «девятки», однако, не потерял Вронского – видимо, адрес загородного дома Александра Леонидовича был ему известен не хуже, чем Глебу. Машина тоже выдержала, не рассыпалась, и ворот особняка достигла через каких-нибудь две или три минуты после того, как те закрылись за хозяином. У неизвестного преследователя хватило ума сообразить, что торчать перед воротами на виду у соседей и охраны не только бессмысленно, но и небезопасно, и, без остановки миновав въезд во двор, он на первом же перекрестке свернул направо, потом опять направо, пока, наконец, не выбрался на шоссе и не взял обратный курс на Москву.

Глеб со всеми предосторожностями последовал за ним: личность этого человека, как ни кинь, теперь представляла куда больший интерес, чем передвижения господина Вронского по двору загородного имения. Вскоре он убедился, что незнакомец еще далеко не исчерпал намеченную программу: на ближайшем перекрестке серая «девятка» вдруг притормозила и съехала на лесной проселок – асфальтированный, гладкий, как все дороги в этом престижном, облюбованном толстосумами пригородном районе. На уме у затейника, сидевшего за баранкой этого дребезжащего тарантаса, явно был какой-то фокус, и Глеб, вполголоса сквозь зубы помянув черта, свернул следом. Маневр был сопряжен с немалым риском обнаружения, но иного выхода Сиверов не видел: появление на поле еще одного игрока таило в себе смертельную угрозу, и с неизвестностью следовало как можно скорее покончить.

Узкая, идеально заасфальтированная дорога прихотливо петляла меж сосновых стволов. Лес тут был чистый, почти без подлеска, местность ровная, как стол, и оставалось только гадать, на кой ляд строителям дороги понадобились все эти изгибы и извивы, делавшие ее похожей на трассу гигантского слалома и не дававшие как следует разогнать машину. Ведя мощную иномарку на третьей передаче и временами переключаясь на вторую, чтобы движок не захлебнулся,

пока машина будет на черепашьей скорости проползать особенно крутой поворот, Глеб закурил. Этот поступок был вопиющим нарушением неписаного, им же самим придуманного правила: никогда не курить, находясь при исполнении, – но раздраженный всей этой глупой шпионской тягомотиной Глеб ощущал настоятельную потребность успокоить разгулявшиеся нервы.

И тогда, словно в наказание за это мелкое нарушение правил игры, водитель серой «девятки» поднес ему сюрприз.

* * *

Слежку за собой Чиж заметил, едва отъехав от офиса Александра Леонидовича Вронского, которого про себя с изрядной долей злой иронии именовал не иначе как «дядей Сашей». Синяя «БМВ», с покинутым видом стоявшая поодаль от бело-розового купеческого особняка, когда Чиж туда подъехал, внезапно обнаружилась в зеркале заднего вида уже после второго поворота. Отставая от «девятки» Чижа на два-три, а порой и на все четыре корпуса, «БМВ» проделала весь путь до ресторана, в котором «дядя Саша» нынче решил отобедать, проехала мимо и остановилась в отдалении, вызвав у Чижа злорадную улыбку: здесь, в центре, найти удобное место для парковки было не так-то просто.

Призвав себя не паниковать раньше времени и напомнив себе же, что в жизни порой случаются и более странные совпадения, Чиж, тем не менее, не спускал с синей «БМВ» глаз, и не напрасно: когда Вронский, наконец, закончил обед и направился прочь из города по Рублево-Успенскому шоссе, не понравившаяся ему машина снова обнаружилась в зеркале заднего вида и держалась позади, как привязанная. Ее водитель был чертовски осторожен, стараясь как можно меньше попадаться Чижу на глаза, и, оказись на месте последнего кто-то другой, не обладающий его навыками и не столь настороженный, «хвост», вполне возможно, так и остался бы незамеченным.

В сложившейся ситуации говорить о совпадении значило бы отрицать логику, а заодно и здравый смысл, и Чиж не на шутку встревожился. Оставалось только гадать, следит человек в синей «БМВ» за Вронским или за ним, Чижом; первое было бы неприятно, хотя и вполне объяснимо, а второе... О втором думать не хотелось, поскольку это означало бы, что все кончилось, даже не успев толком начаться. Чиж слишком хорошо знал, как работают органы, и понимал: если его взяли в разработку, уйти от ответственности можно, только пустив себе пулю в

лоб или бросившись под поезд. А ответственность, с учетом содеянного, обещала обернуться пожизненным сроком. На свою жизнь, которую он давно привык считать безнадежно загубленной, Чижу было начхать с высокого дерева. Но если его посадят раньше, чем он осуществит свой замысел, этот упырь, «дядя Саша», опять выйдет сухим из воды и будет благоденствовать до самого Страшного Суда. А этого Чиж просто не мог себе позволить, поскольку точно знал: если Вронский и на этот раз уйдет от возмездия, ему не будет покоя даже в могиле, независимо от того, существует загробная жизнь на самом деле, или все это поповские выдумки, как, помнится, втолковывала им на посвященном вопросам религии и атеизма классном часе не шибко умная, раз и навсегда обделенная женским счастьем учительница истории Софья Брониславовна.

...Чижом его прозвали в детском доме. При каких обстоятельствах это произошло, он помнил вполне отчетливо, а вот откуда взялось само прозвище, забыл – вернее, никогда не знал, как, скорее всего, не знал этого тупой мордатый переросток по кличке Батя, который его данным прозвищем наградил. «Ты будешь Чиж», – сказал Батя, и он не стал спорить. Не потому не стал, что боялся этого наглого куска дерьма, и не потому, что хотел кому-то понравиться, а просто потому, что уже тогда, в десятилетнем возрасте, умел отличать важное от второстепенного и действовал согласно поговорке: «Хоть горшком назови, только в печку не ставь».

Дядя Саша, часто являвшийся Чижу в ночных кошмарах (даже теперь, спустя столько лет), и впрямь приходился ему дядькой – правда, не родным, а двоюродным, но не в этом соль, потому что родных дядек, равно как и теток, у него отродясь не было. При последнем издыхании Советской власти дядя Саша работал секретарем райкома комсомола (теперь вспоминать об этом странно, но была в те времена и такая работа, считавшаяся весьма прибыльной, престижной, а главное, перспективной, поскольку служила одной из первых ступенек номенклатурной лестницы). Перестройку он встретил на «ура», как и полагается комсомольскому вожаку встречать инициативы партийного и советского руководства, а когда грянул путч, Советский Союз приказал долго жить, а партия вместе с комсомолом попала под запрет, как-то вдруг оказалось, что вчерашний секретарь райкома Александр Вронский незаметно для окружающих успел с присущим ему комсомольским задором нахватать полные руки того, что плохо лежало, и организовать какой-никакой бизнес – разумеется, бизнес в тогдашнем, довольно странном и не вполне традиционном, понимании этого слова.

Взяв, благодаря своему общественному положению и связям, недурной старт, «дядя Саша» избежал «челночной» стадии бизнеса и никогда не мотался по рынкам с набитыми дешевым барахлом тюками. Не считая этого, трудно было назвать дело, которым он не занимался. Он спекулировал автомобилями, валютой и произведениями искусства, в разное время имел шашлычную, пельменную, пивной бар и четыре платных туалета; у него были интересы в нефтяной, металлургической и энергетической отраслях и бог знает где еще. Он даже посредничал при крупных сделках с оружием и, по непроверенным данным, сколотил приличное состояние на продаже продукции Тульского оружейного завода лихим джигитам генерала Дудаева. На заре девяностых он стал организатором и владельцем одной из первых риэлтерских фирм, и его сладкоголосые пронырливые агенты склоняли одиноких алкашей к подписанию договоров купли-продажи, щедрой рукой подливая им финского спирта, поставками которого в Россию тоже занимался он.

Он же был одним из первых «новых русских», кто, вдохновившись «дворянским» звучанием своей фамилии, за сравнительно небольшие деньги выправил себе восходящую чуть ли не к Рюриковичам родословную. Позже по его стопам пошли многие, но лишь немногим удалось, как ему, извлечь из своего фальшивого дворянства ощутимую материальную выгоду.

Всего этого девятилетний сопляк, каким был тогда Чиж, естественно, не знал, а того немногого, что было ему известно, по малолетству просто не мог правильно понять и оценить. Все, что он тогда знал и понимал, это что у него есть добрый, веселый и богатый родственник дядя Саша, который, забегая в гости, никогда не забывает прихватить с собой подарки для него и сестры Женьки.

К счастью, у него была отличная память, и годы спустя, вспоминая обрывки случайно подслушанных разговоров между взрослыми, он сумел многое понять и оценить по достоинству. Вспоминалось, например, что именно дядя Саша уговорил не склонного к принятию поспешных решений и старательно сторонящегося любых проявлений стадного инстинкта отца спешно приватизировать их трехкомнатную «сталинку» на Кутузовском проспекте. Тогда, двадцать лет назад, Чиж и в голову не пришло связать смерть обоих родителей от рук каких-то ублюдков в темной подворотне с этой приватизацией. Возможно, на самом деле этой связи и не было, но факт остается фактом: родителей ограбили и убили во дворе, когда они возвращались со дня рождения дяди Саши, и произошло это буквально через месяц после того, как квартира перешла в их собственность.

И очень хорошо помнился тот вечер, когда он впервые услышал о завещании. Женька тогда объявила, что уходит и забирает с собой Валерку (Валерка Торопов, так его звали тогда, хотя как раз это вспоминалось с трудом и как бы сквозь дымку, да и значения, наверное, уже не имело). Они в ту пору жили у дяди Саши – единственный близкий родственник, прекрасно обеспеченный материально и с собственной жилплощадью, он без труда получил над ними опеку. Так вот, когда тринадцатилетняя Женька, сверкая глазами, объявила, что уходит и забирает с собой брата – уходит, понятное дело, не куда попало, а в родительскую квартиру, – дядя Саша, по обыкновению не совсем трезвый, с ухмылкой сообщил, что идти ей некуда: квартира давным-давно продана. «Как продана?! Это наша квартира!» – стиснув кулаки, закричала Женька, и тогда дядя Саша поднес ей еще один сюрприз: оказывается, за месяц до смерти отец написал и заверил у нотариуса завещание, согласно которому в случае его смерти все его движимое и недвижимое имущество оставалось жене, а в случае, если она тоже умрет, – его двоюродному брату Александру Леонидовичу Вронскому.

Женька непримиримо объявила, что все это вранье, а дядя Саша все с той же ухмылкой объяснил ей, что по закону продать квартиру может только тот, кто ею владеет. И, раз продать квартиру ему разрешили, значит, он все сделал правильно – по закону, деточка, по нашему российскому законодательству...

Чиж часто думал об этом завещании. Отец тогда был чуть старше него теперешнего, и на кой ляд ему было составлять завещание, да еще такое дикое, ни с чем не сообразное, без видимой причины оставляющее без крыши над головой родных детей? Да, причин для составления такого завещания (да и любого другого, если уж на то пошло) у отца не было. Зато у дяди Саши был закадычный приятель – дядя Марк, который работал адвокатом и, надо полагать, водил знакомство с нотариусами, среди которых в те лихие времена было несложно найти такого, что согласился бы составить завещание задним числом и скрепить гербовой печатью фальшивую подпись...

В ту ночь Женька громче обычного стонала и плакала у себя в комнате. Чиж (Валерка, напомнил он себе, меня звали Валерка Торопов) знал, что происходит – ну, по крайней мере, в общих чертах: дядя Саша наказывал Женьку за плохое поведение. Он делал это часто, почти каждую ночь, причем иногда, как представлялось Валерке, без видимых причин. Женька становилась все бледнее, под глазами залегли темные круги, но на все Валеркины вопросы она только отмалчивалась или ограничивалась уклончивым: «Подрастешь – узнаешь». В

этот раз, однако, ее плач звучал до того надрывно и горько, что не обращать на него внимания уже не получалось. Валерка сидел на кровати, кусал губы и боролся с подступающими слезами. Отец всегда внушал ему, что женщин, и, в первую очередь, маму и сестренку, необходимо защищать – на то он, Валерка Торопов, и мужчина. А с другой стороны, взрослых, как-никак, надо слушаться. Да и как он, десятилетний пацан, станет защищать Женьку от дяди Саши? Драться с ним, что ли?

От невозможности что-то предпринять он все-таки заплакал. И тогда дверь его спальни тихонько отворилась, и в нее вошел друг дяди Саши – дядя Марк. От него пахло дорогим одеколоном, спиртным и потом, его лысина поблескивала в падающем из прихожей свете, а руки у него были по-женски мягкие и неприятно потные, липкие. Он гладил Валерку по голове и плечам, бормотал, дыша перегаром, какие-то слова – вроде бы ласковые, но легче от них почему-то не становилось, становилось только хуже и страшнее.

Потом его липкие руки как-то незаметно очутились там, где, по твердому Валеркиному убеждению, им было решительно нечего делать. Валерка отпрянул, руки сжались, внезапно сделавшись твердыми, как поручни в троллейбусе, и оставшись при этом все такими же липкими – ну, точь-в-точь, как упомянутые поручни в разгар летней жары, когда в салоне троллейбуса не протолкнуться, и все истекают горячим скользким потом. Это было до того противно и страшно, что Валерка рванулся изо всех сил, вереща, как пойманный в силки заяц – рванулся, но вырваться не смог. Ни тогда не смог, ни много раз после того, самого первого, случая...

...Синяя «БМВ» висела у него на хвосте до самого поселка, то отставая, то будто бы невзначай подбегая ближе. Чиж успел мельком разглядеть в зеркале, что водитель в машине один, что он мужчина и что на переносице у него поблескивают темными стеклами солнцезащитные очки. Это ничего не означало, поскольку сам Чиж, к примеру, тоже был один в машине, и тоже нацепил очки, как только миновал Кольцевую – солнце жарило вовсю, слепя глазами сотнями вспышек в зеркалах, стеклах и хромированных деталях встречных и попутных автомобилей.

Поглядывая то вперед, то в зеркало, он мало-помалу успокаивался. Вряд ли там, в «БМВ», ехал представитель правоохранительных органов. Если бы выслеживали его, и если бы это и впрямь была засада (а что же еще это могло быть, ведь преследователь поджидал его у офиса, как будто знал, что он туда

приедет), в машине сидели бы как минимум двое, а то и все четверо – поодиночке, без свидетелей, которые в случае чего подтвердят правомерность их действий, эти ребята не работают. И неважно, о каких именно ребятах идет речь – из милиции, из ФСБ или любой другой силовой структуры. Это безразлично, поскольку человек в синей «БМВ», как и сам Чиж, явно работает в одиночку, на свой страх и риск, а значит – неофициально. И не факт, что следит он именно за Чижом, а не за господином Вронским: за свою карьеру бизнесмена «дядя Саша», надо полагать, нажил немало врагов, и причин желать ему смерти у всех этих людей не меньше, а может быть, и больше, чем у Чижа.

«Ну, это дудки, – подумал он, проезжая мимо закрытых ворот, что вели во двор особняка господина Вронского. – Что бы вы, ребята, ни говорили, что бы ни думали по этому поводу, я – первый в очереди. С детства в ней стою, так что имейте совесть: сперва я, а уж потом, если после меня что-то останется, все иные-прочие...»

Кованые вручную ворота позволяли видеть широкий зеленый двор с клумбами и живыми изгородями и сработанный по образцу старинных дворянских имений «круг почета» перед высоким крыльцом с колоннами, где (на круге, естественно, а не на крыльце) стояли обе машины – «майбах» Вронского и мерседесовский внедорожник охраны, похожий на черную коробку из-под обуви или на то, как рисуют автомобили маленькие дети. Краем глаза Чиж успел заметить водителя, который садился за руль «майбаха» – затем, надо думать, чтобы убрать машину с солнцепека в гараж. Сие, по идее, означало, что на сегодня передвижения «дяди Саши» закончены, и, следовательно, Чиж тоже может считать себя свободным.

Он объехал квартал, дважды свернув направо, в узкие боковые проезды, и вернулся к шоссе. Синяя «БМВ», исчезнувшая было из поля зрения, опять маячила в зеркале заднего вида. Чиж мысленно пожал плечами: ну, а чего ты, собственно, хотел? Допустим, этот тип выслеживает «дядю Сашу» – неважно, по собственной инициативе или по чьему-то поручению. Так поставь себя на его место! Что бы ты стал делать, заметив, что за объектом, который ты ведешь, следует кто-то еще? Наверное, постарался бы выяснить, что это за конкурент у тебя появился, откуда взялся и чего хочет. Сначала выяснить, а уж потом, если это покажется целесообразным, устранить, чтобы не путался под ногами...

За последние годы Чиж стал настоящим мастером по части устранения. В такой самооценке не было и тени хвастовства: понимая, что от этого зависит его

судьба, он мерил себя самой строгой меркой и действительно не находил серьезных поводов для критики. По количеству жертв Чиж смело мог тягаться с любым маньяком, а на его след до сих пор не напали. Более того, его, скорее всего, и не искали: он слишком хорошо знал, на чем обычно попадаются серийные убийцы, и старался не повторяться. Все, кого он убил, этого заслуживали, а все, что он сделал до сих пор, было лишь подготовкой к главному делу его жизни. Этим делом был «дядя Саша»; дело обещало стать трудным и сложным, и поэтому Чиж не торопился: он не имел права на ошибку и должен был повернуть все с первой попытки.

Он долго разрабатывал план, попутно набивая руку на мелкой сошке вроде учителя музыки Серебрякова или этого программиста Нагибина. Ему было известно, как прятать улики, но знать и уметь – далеко не одно и то же. И он учился, на практике постигая премудрость, не изложенную ни в одном учебнике – вернее, изложенную, но как бы шиворот-навыворот: есть много книг, которые учат раскрывать преступления, но нет ни одной, которая учила бы раз за разом убивать людей и оставаться безнаказанным – не считая воинского устава, разумеется. Чиж накопил уже достаточно материала для такой книги, и иногда, потягивая перед телевизором пиво в редкий и оттого особенно ценный свободный вечерок, почти всерьез подумывал о том, чтобы ее написать – потом, когда все кончится. Вот только кончится ли это когда-нибудь, он, положив руку на сердце, не знал: на «дяде Саше» свет клином не сошелся, кроме него, есть и другие – много других... А тот, кто занят живой, практической работой, книг не пишет – это занятие для отошедших от дел пенсионеров и графоманов, которые ни на что стоящее не способны и потому описывают то, что сделано другими, а то и просто выдумывают разную чушь из головы.

Словом, Чиж медлил бы и дальше, потихонечку оттачивая мастерство и смакуя детали предстоящей расправы над горячо любимым родственничком, но буквально месяц назад на глаза ему случайно попала информация, из коей следовало, что «дядя Саша» опять взялся за старое. Да и унимался ли он когда-нибудь по-настоящему? Скорее всего, нет, не унимался, просто в этот раз у него что-то не срослось, и шило чуть было не вылезло из мешка. Разумеется, ему, как обычно, все сошло с рук, на то он и держит при себе столько лет этого жирного ублюдка Фарино; он опять остался безнаказанным, опять обманом и подкупом вынудил мир лизать ему пятки, а это значит, что новое происшествие не заставит себя долго ждать. А новое происшествие – это еще одна сломанная судьба, еще одна загубленная жизнь, и хорошо, если одна...

Поэтому Чиж заторопился, и спешка, как и следовало ожидать, принесла нежелательные плоды в виде повисшей на хвосте синей «БМВ» пятой серии.

Выезжая на шоссе и направляя машину в сторону Москвы, он снова посмотрел в зеркало. «БМВ», естественно, никуда не делась, хотя ее водитель по-прежнему прилагал нечеловеческие усилия к тому, чтобы оставаться незамеченным. Чиж озабоченно почесал переносицу под дужкой очков. Здесь, на прямом и гладком шоссе, уйти от этого баварского чудища на немолодой уже «ладе» представлялось делом заведомо невыполнимым, но и тащить за собой этот хвост до самого дома Чижу не улыбалось. Справа по ходу движения показался обозначенный указателем с названием какого-то дачного поселка поворот на лесную дорогу, и он, не давая себе времени на раздумья и колебания, свернул туда.

Узкую, гладко заасфальтированную дорогу с обеих сторон обступил светлый, чистый, как комната после тщательной уборки, сосновый лес. Солнце пробивалось сквозь дырявый полог раскидистых крон короткими частыми вспышками, напоминая световую азбуку Морзе или то, как бьется пламя выстрелов на дульном срезе пулемета. И того, и другого Чиж в свое время насмотрелся досыта, поскольку срочную службу проходил в морской пехоте и до сих пор носил под рубашкой вылинявший и ветхий тельник – не купленный на рынке или в магазине, а тот самый, в котором демобилизовался из части. Со временем он начал считать эту тельняшку чем-то вроде талисмана, и это было, если разобраться, скверно: тряпка не вечна, она давно уже просится на помойку, и что он станет делать, когда его талисман окончательно придет в негодность, истлеет и расползется в клочья прямо на теле?

Дорога без видимой необходимости прихотливо петляла из стороны в сторону, хотя местность вокруг была ровная, как стол. Чиж подумал о запряженных в скрипучие крестьянские телеги лошадях, что в незапамятные времена протоптали ее, обходя кусты и поваленные деревья, выбирая самый легкий, широкий путь между стволами. Путь этот, само собой, получился непрямым, а застроившим эту местность роскошными коттеджами потомкам тех давно забытых крестьян было проще и дешевле заасфальтировать уже существующий проселок, чем рубить просеку и строить дорогу с нуля. Вот она и извивается, как змея, норовящая укусить себя за хвост. И это, если подумать, очень и очень недурно: здесь, на непрерывно следующих один за другим крутых поворотах преимущество в мощности двигателя почти ничего не решает, да и отсутствие видимости на руку тому, кто должен во что бы то ни стало оторваться от погони.

Не снимая ногу с педали газа, Чиж подался вправо и откинул крышку перчаточного отделения. Он был не только умен и осторожен, но также предусмотрителен и запаслив, а еще знал, где раздобыть кое-какие мелочи, которые невозможно купить в магазине или заказать обычным порядком в мастерской. Некоторые из этих мелочей, при определенных обстоятельствах могущих оказаться весьма и весьма полезными, он постоянно возил с собой. И теперь, судя по всему, настало самое время воспользоваться одной из этих милых штуквин.

Он вынул из бардачка и положил рядом с собой на сиденье небольшой, но увесистый мешочек из плотной кожи. Открывать окно пришлось в два приема: очередной крутой, как на гоночной трассе, поворот заставил его бросить ручку стеклоподъемника и вцепиться в руль обеими руками. В лицо ударил свежий, пахнувший хвоей и тонким ароматом первых весенних цветов воздух, сквозь гудение двигателя, шорох шин и шум встречного ветра послышался многоголосый птичий гомон. До конца опустив стекло, Чиж зубами развязал тесемку, что стягивала кожаную горловину, взял мешочек за нижний уголок и, выставив в окно вытянутую на всю длину руку, опорожнил его на дорогу. Содержимое мешочка с негромким звоном запрыгало по асфальту, разлетаясь во все стороны; Чиж удовлетворенно кивнул и закрыл окно: проблему можно было считать решенной.

Новый крутой поворот скрыл оставшийся позади участок дороги. «Вот новый поворот, что он нам несет?» – пробормотал Чиж, слегка переврав слова популярной в дни его детства песни. Он-то не гадал, а знал наверняка, что несет человеку на синей «БМВ» только что пройденный им поворот.

Кладя пустой мешочек обратно в бардачок, он нечаянно коснулся кончиками пальцев рукоятки лежащего внутри пистолета. Искушение остановить машину, дать задний ход и поставить в этой нелепой погоне жирную точку девятимиллиметрового диаметра было слабым, мимолетным, и Чиж без труда его преодолел. Он убивал только тех, кто этого заслуживал, а водитель синей иномарки пока что не сделал ему ничего плохого. Ну, разве что слегка потрепал нервы, но за это ведь не убивают! На любом московском перекрестке нервных клеток расходуется в десять раз больше, а уж сколько их сгорает в течение рабочего дня, даже подумать страшно. И ничего, все живы. К тому же, стрелять, не выяснив предварительно, кто перед тобой, не очень-то разумно: такой выстрел, независимо от точности попадания, впоследствии может слишком дорого обойтись.

Ему послышался негромкий, похожий на выстрел из пневматического ружья хлопок, и Чиж усмехнулся, представив, как преследователь в темных очках бродит вокруг своей дорогой иномарки, озадаченно скребя в затылке и оглашая пустой проселок прочувствованным матом. Это была отрадная, милая сердцу картина, и Чиж захлопнул бардачок, окончательно передумав стрелять: на первый раз преследователю хватит и этого, решил он, после чего, совсем успокоившись, включил радио и закурил первую за истекшие два часа сигарету.

Глава 4

Глеб Сиверов криво усмехнулся, отдавая должное ловкости неизвестного противника. Экий, право слово, нахал! Сделал его, как приготовишку, и был таков. Да еще и наказал на весьма приличную сумму. Четыре импортные покрышки – это вам не стакан семечек!

Конечно, тогда, на дороге, когда послышалось короткое резкое «пах!», и машину неожиданно и очень опасно потянуло к обочине – то есть, называя вещи своими именами, напрямик в лес, – Глебу было не до усмешек, пусть себе и кривых. За первым хлопком практически без паузы последовал второй, машина стала почти неуправляемой; еще два хлопка прозвучали одновременно, почти слившись в один, и автомобиль пошел ровнее, с душераздирающим скрежетом скребя по асфальту титановыми ободьями колес.

Глебу, наконец, удалось остановить это бессмысленное движение в никуда. Заглушив двигатель, он толчком распахнул дверцу, выскочил из машины и присел на одно колено под прикрытием моторного отсека. Колено кольнула острая боль, но он не обратил на это внимания, целиком сосредоточившись на пустой дороге, из-за поворота которой в любую секунду мог показатьсядвигающийся задним ходом автомобиль.

Вокруг глухо шумели волнуемые верховым ветром кроны сосен, лес звенел от птичьих голосов и благоухал ароматом первоцветов, густые россыпи которых белели в изумрудном мху между рыжих стволов. Порывы ветра доносили из-за поворота ровный гул автомобильного двигателя. Судя по звуку, серая «девятка» не приближалась, а, наоборот, удалялась. Осознав, что ее водитель предпочел обойтись без выяснения отношений, Глеб осторожно спустил курок, поставил

пистолет на предохранитель и сунул в наплечную кобуру.

Выпрямившись во весь рост, он обнаружил, что правая брючина джинсов на колене стала бурой от крови. Он пригляделся и без труда обнаружил причину травмы. Ею оказалась лежащая на асфальте стальная колючка о четырех растопыренных в разные стороны треугольных шипах, концы которых остро поблескивали в падающем сквозь сосновые кроны солнечном свете. Длина шипов составляла сантиметра два, а может быть, даже два с половиной; нехитрая конструкция была устроена таким образом, что, как ее ни брось, она все равно ложилась острием кверху.

Оглядевшись, Северов обнаружил вокруг целую россыпь этих штуквин. Его машина сиротливо стояла почти поперек дороги с распахнутой настежь дверью, распластав по асфальту пыльные блины изодранных стальными остриями шин.

– Ах ты, стервец, – адресуясь к водителю «девятки», сказал Глеб и потащил из кармана мобильный телефон.

Вызвав помощь, он отправился собирать колючки, чтобы подоспевший на зов эвакуатор или просто случайно проезжающий мимо автомобиль ненароком не разделил его незавидную судьбу. Колючек было много, они не умещались в ладони, и их пришлось складывать в кучку на крышке багажника. Глеб делал это осторожно, чтобы не поцарапать краску, и невольно думал о том, что применяемый милицией «дорожный ковер» не в пример гуманнее – его, по крайней мере, можно оперативно скатать, после того как он сослужил свою службу. Зато вот эта шипастая дрянь очень удобна, когда надо уйти от погони – выбросил пару горстей в окошко, и дело в шляпе, если только за тобой не гонятся на танке или, скажем, на вертолете. Ловкач на серой «девятке» это только что с блеском доказал. И, между прочим, из самого факта наличия у него солидного запаса этих игрушек следует, что погони он ожидал и постарался хорошенько к ней подготовиться. И то верно, к чему устраивать головолomные гонки с пальбой и милицейскими сиренами, когда можно обойтись таким простым и действенным средством?

Глеб задумчиво подбросил на ладони колючий стальной чертополох. Он пару раз видел такие в кино, но в руках держал впервые и почему-то думал, что они, если и существуют в природе, то в очень ограниченном количестве – например, в кладовой реквизита какой-нибудь голливудской киностудии, специализирующейся на фильмах, где десятками разбивают, взрывают и жгут

ни в чем не повинные автомобили. Он допускал, хотя и с некоторой натяжкой, что нечто подобное можно найти и на армейских складах – против автомобильной техники такое оружие весьма эффективно, и его можно использовать в качестве гуманной альтернативы легким минам. Но вряд ли, ох, вряд ли эти похожие на кристаллы льда при сильном увеличении вещицы широко доступны!

Он внимательно осмотрел колючку, не обнаружив никаких признаков кустарной работы – ни следовковки, ни сварных швов. Она явно целиком вышла из литейной формы, а сталь (да и самый плохонький пористый чугунок, если уж на то пошло) никто не плавит и не разливают по формам у себя на заднем дворе со времен китайской культурной революции. Ни на что особенное не рассчитывая, Глеб все же положил колючку в карман, убедился, что на асфальте не осталось других сюрпризов и, присев боком на водительское сиденье, закурил в ожидании эвакуатора.

Теперь стальной чертополох с острыми, как иглы, стальными шипами лежал перед ним на краешке стола. В последний раз пробежав глазами бесполезные сведения, выданные программой в ответ на его запрос, Глеб закрыл базу данных ГИБДД, выключил компьютер и взял с подоконника телефон: ему требовалась дополнительная информация, и он знал человека, который мог быстро и без особых усилий ее раздобыть.

Через полчаса он остановил машину у бровки тротуара и, потянувшись через пассажирское сиденье, предупредительно распахнул правую переднюю дверь. Генерал Потапчук уселся в машину, шурша пустым полиэтиленовым пакетом с рекламой магазина джинсовой одежды. На нем были спортивного покроя просторные светлые брюки из плащевой ткани и поношенная серая ветровка, из-под которой выглядывала легкомысленная майка в горизонтальную полоску. Портрет вышедшего на ночь глядя за хлебом пенсионера дополняли поношенные белые кроссовки и красная бейсбольная кепка с длинным козырьком и эмблемой «Феррари» на лбу. Наблюдать его превосходительство в таком затрапезном виде Глебу уже приходилось, но не так часто, чтобы это зрелище стало привычным и перестало вызывать веселое изумление.

– Ну, что у тебя стряслось? – ворчливо поинтересовался Федор Филиппович, чутко уловив в приветствии подчиненного нотки этого самого изумления. – Учти, по телевизору сейчас футбол...

– Наши играют? – спросил Глеб, плавно трогая машину с места и беря курс на ближайший гастроном.

– А то как же!

– Ну, и какой смысл смотреть?

Федор Филиппович хмыкнул.

– Да уж, действительно... Что поделаешь, привычка. Ну, и потом – а вдруг?..

– Надежда умирает последней, – с умным видом кивнул Глеб. – Не бережете вы себя, товарищ генерал.

– Я бы и поберег, – проворчал Потапчук, – так с вами разве убережешься? Ни днем, ни ночью покоя нет! Говори, зачем звал.

– Надо пробить один номерок, – догадываясь, какая последует реакция, сказал Глеб и протянул генералу листок бумаги с четко записанным номером серой «девятки».

– Что?!

– Я проверил его по базе данных ГИБДД, – поспешил оправдаться Сиверов. – Под ним значится мусоровоз, а видел я его на легковом автомобиле.

Он вкратце пересказал историю своих дневных приключений, которые, с учетом финала, правильнее было бы назвать злоключениями.

– Высокий профессионализм, – заметил Федор Филиппович.

Судя по язвительному тону, данная оценка была иронической и относилась к действиям Слепого, а не его неизвестного оппонента.

– Совершенно верно, – сказал Глеб, в интересах дела притворившись, что не заметил иронии. – Сделал он меня быстро и аккуратно, как в учебнике, а

дилетанту, смею надеяться, такой фокус не по плечу. Вот я и говорю: надо бы проверить, не числится ли этот номерок за каким-нибудь ведомственным гаражом. В качестве, сами понимаете, оперативного. Мне в эти базы данных не залезть, разве что с боем, а вам это не составит никакого труда...

– Разумеется, никакого, – проворчал генерал, тоном давая понять, что у него хватает забот и без выполнения мелких поручений своего агента – пусть лучшего и даже единственного в своем роде, но все-таки агента, а не начальника. – Ладно, проверю. Только учти, что это, по-моему, пустые хлопоты. Если бы речь шла о ведомственном гараже, все внесенные в базу данные об автомобиле были бы подлинными – марка, цвет, год выпуска, номер кузова, – только вместо названия организации стояла бы фамилия какого-нибудь безлошадного пенсионера. На кой черт, скажи, пожалуйста, оперативному транспорту такая демаскирующая деталь, как номер, числящийся за мусоровозом? Номер этот, скорее всего, краденый, а может быть, просто нарисован от руки на куске картона. Вернулся с дела, сунул его в багажник, поставил настоящий и катайся в свое удовольствие...

Глеб промолчал, хотя сам придерживался точно такого же мнения. При этом провести проверку все же было необходимо, и Федор Филиппович это, конечно же, понимал. А раз так, к чему затевать ненужную полемику?

– И вообще, – потихоньку распаляясь, продолжал Потапчук, – какого лешего тебя потянуло шпионить за Вронским? Вся необходимую информацию тебе поднесли на блюдечке, оставалось только занять позицию и спустить курок. А ты устроил мне проверку и по ходу дела намотал на себя неизвестно кого. Вот и ешь его теперь с кашей...

– Конечно, было бы намного лучше, если бы он нарисовался у меня за спиной прямо во время акции, – не удержался от ответной колкости Глеб.

– Да уж... Черт! – Федор Филиппович в сердцах пристукнул кулаком по колену. – Теперь действительно придется все проверять. Ты погоди пока с этим Вронским...

– А время терпит? – дипломатично поинтересовался Глеб.

– Ничего, перетопчутся, – буркнул генерал, отлично понявший, что Слепой, говоря о времени, имел в виду вовсе не календарные сроки. – Я и пальцем не шевельну, пока не выясню, что это за комбинация. И чья. Что-то мне не улыбается на старости лет сделаться пешкой с деревянной головой!

– То есть задание меняется, – полувопросительно произнес Слепой.

– Временно, – кивнул генерал. – Постарайся выяснить, что это за тип так ловко обул тебя... гм... в новую резину. А я займусь тем же по своей линии. Словом, действуем по обычной схеме: ты в поле, я в лесу...

– В каком еще лесу?

– Коридоры Лубянки – это, Глеб Петрович, такой темный лес, что никаким братьям Гримм и в страшном сне не снился! И хватит возить меня по кругу. Думаешь, я не вижу, что мы уже третий раз мимо магазина проезжаем?

Глеб послушно свернул на стоянку перед гастрономом. Федор Филиппович взялся за дверную ручку, явно горя желанием поскорее разделаться с покупками и вернуться к своему футболу. Глеб подозревал, что удовольствие от просмотра матча, каким бы мизерным оно ни было, безнадежно испорчено: после всего сказанного генерал вряд ли сможет с должным вниманием следить за перипетиями игры, и футбольные комбинации будут занимать его воображение гораздо меньше, чем другие – не такие зрелищные, зато куда более сложные и эффективные. Поэтому, останавливая Федора Филипповича красноречивым покашливанием в кулак, он не испытывал ни малейших угрызений совести: ничего, потерпит еще минутку, все равно торопиться некуда...

– У меня еще одна просьба, товарищ генерал, – сказал он, когда Потапчук принял прежнюю позу и повернул к нему наполовину освещенное мертвенным светом горящих на стоянке ртутных ламп лицо. Глубокая тень от козырька пересекала его наискосок, скрывая глаза, и на мгновение Федор Филиппович показался Глебу опасным незнакомцем, который обманом проник в машину, имея намерения самого дурного, зловещего свойства. – Было бы неплохо узнать происхождение вот этой штуковины.

Вынув из кармана, он протянул генералу стальной чертополох. Федор Филиппович покатал колючку на ладони, придиричиво разглядывая со всех

сторон, и осторожно дотронулся кончиком пальца до блестящего острия.

- А выделка-то фабричная, - заметил он. - Остальные где?

- Тут, в бардачке, - признался Глеб. - Хотел выбросить, а потом подумал: хорошая же вещь, а вдруг самому пригодится?

- Куркуль, - констатировал Потапчук, осторожно укладывая колючку в карман ветровки.

- Вас подождать? - предложил Глеб.

- Зачем?

- До дома подброшу, а то у вас там футбол...

Генерал помедлил, явно борясь с искушением.

- Нет, - сказал он, наконец. - Пройдусь пешком, воздухом подышу. И для здоровья полезно, и вообще... От дома до магазина четверть часа ходу, это проверено, а ты хочешь, чтобы я за двадцать минут в оба конца обернулся? А что я жене скажу, когда она спросит, с каких это пор наши люди на такси по булочным начали разъезжать?

- Скажете, что всю дорогу бежали.

- А футболка сухая, потому что пользуюсь «Рексоной», - иронически поддакнул Федор Филиппович. - А одышку заработаю, просто поднявшись по лестнице. Езжай уже, извозчик, тебя тоже дома ждут.

Глеб проводил взглядом его удаляющуюся в сторону ярко освещенного входа в магазин фигуру с пустым пакетом в руке и запустил двигатель: его действительно ждали дома, и ему не терпелось поскорее туда вернуться.

* * *

В то время, когда Глеб Сиверов входил в дверь своей квартиры, Чиж резким поворотом руля заставил машину съехать с ухабистого лесного проселка и загнал ее на мшистую прогалину, с трех сторон окруженную густым подлеском. Из кустарника редким частоколом выступали мощные стволы сосен, в свете фар похожие на изъеденные временем колонны какого-то заброшенного древнего храма.

Вокруг бестелесными белесыми призраками порхали привлеченные светом ночные мотыльки. Их было много, и они напоминали не то взвихренные порывом ветра хлопья пепла над остывшим кострищем, не то крупные снежинки. Чиж погасил фары и выключил двигатель. Наступила тишина, в которой стало слышно, как под днищем автомобиля шуршат и потрескивают, потихоньку распрямляясь, примятые кусты.

Машину со всех сторон обступила кромешная, первобытная тьма. Небо затянули низкие плотные облака, через которые не пробивался ни единый лучик звездного света, и казалось, что на свете не осталось ничего – ни неба, ни леса, ни земли. Машина будто парила в невесомости глубокого космоса, уносясь в неизвестном направлении по кометной орбите. Поймав себя на этом ощущении стремительного слепого полета, Чиж понял, что изрядно вымотался и отчаянно нуждается в отдыхе. Увы, об отдыхе пока следовало забыть: до наступления утра ему надо было утрясти еще одно небольшое дельце.

Он энергично встряхнул головой, а когда это не помогло, закурил сигарету. Вообще-то, перекур не входил в его планы, но время терпело, и он позволил себе эту маленькую слабость: в конце концов, кто еще тебя пожалеет, если не ты сам?

Докурив, он на ощупь загасил окурочек в выдвижной пепельнице и выбрался из машины. Свежий ночной воздух, в котором гораздо сильнее, чем днем, чувствовался аромат цветения, прогнал остатки сонливой мути, ощущение мягко подающегося под ногами мха, скрывающего под собой старые сосновые шишки и трухлявые ветки, расставило все по своим местам. Мир никуда не делся, он просто уснул, с головой, как одеялом, укрывшись ночной темнотой.

Чтобы привести себя в окончательное соответствие с окружающей действительностью (а заодно и для того, чтобы не переломать ноги и не выколоть глаза, споткнувшись сослепу о какую-нибудь корягу), Чиж включил карманный фонарик и, подсвечивая себе, выгрузил из машины багаж –

небольшую, изрядно поношенную и потертую спортивную сумку. Поставив ее на землю, он запер машину, пошарил в кустах и выволок на прогалину большую охапку березовых веток. Молодые клейкие листья уже успели слегка пожухнуть, но это не имело значения.

Ветки он рубил накануне, среди бела дня, ни от кого не прячась. Сезон заготовки банных веников был в самом разгаре, и вид мужчины, срезающего большим охотничьим ножом молодые березовые ветки, ни у кого не вызывал удивления – здесь, в окрестностях дачного поселка, это было вполне обыкновенное, привычное зрелище, на которое никто не обращал внимания.

Вынув из багажника старый полотняный чехол, Чиж укрыл им машину и навалил сверху веток. Теперь заметить ее с дороги нельзя было даже по случайному отблеску фар в стеклах задних фонарей. Вообще-то, до машины, оставленной хозяином в лесу, как правило, никому нет дела, но рисковать не хотелось, тем более что возможных неприятностей было очень легко избежать. Старый чехол, какими давно уже никто не пользуется, охапка зелени, и готово – машины как не бывало...

Забросив на плечо ремень сумки, он вышел на дорогу и для проверки осветил прогалину фонариком. Даже зная наверняка, что машина там, он не сразу разглядел ее ставшие бесформенными, сливающиеся с кустами очертания. Результаты осмотра были известны заранее, поэтому Чиж не удостоил их даже кивком, а просто направил луч фонарика себе под ноги и зашагал вслед за прыгающим по грунтовой колее световым кругом в сторону недалекого дачного поселка.

Вскоре впереди сквозь путаницу черных ветвей блеснули первые огни. Чиж опустил фонарик, светя прямо себе под ноги, и пошел медленнее, то и дело поправляя норовящий сползти с плеча ремень сумки. Нельзя сказать, чтобы там, куда он шел, его ждали с нетерпением, но что ждали – это факт. Пусть не его, а кого-то другого, но неприятного визита там ждали давно. Ждали и боялись, и вот – дождались...

При мысли о предстоящем разговоре из глубины души, как со дна старого, сто лет не чищеного колодца опять начала подниматься едкая горечь. На свете слишком много подлецов, чтобы один человек мог надеяться хоть чуточку улучшить ситуацию. Он просто физически не мог всюду поспеть; хуже того, он всегда приходил слишком поздно, когда непоправимое уже случилось. Его

уделом была месть, а он, как человек неглупый и начитанный, отлично понимал, что месть, в сущности, ничего не решает. Восточная мудрость гласит, что месть не возвращает потерянного, а лишь умножает потери.

Красиво сказано, что и говорить! А главное, все правильно, с какой стороны ни глянь. Да, не возвращает; да, умножает. Смешнее всего, что этот перл мудрости пришел к нам с Востока, где месть возведена в ранг искусства, а искусство доведено до полного совершенства...

Предмет его размышлений в это время сидел в убого обставленной кухоньке арендованного за гроши дачного домика и приканчивал поздний ужин, запивая немудреную трапезу дешевой плодово-ягодной бормотухой и глядя в подслеповатый экран ископаемого черно-белого телевизора «Рассвет». Его звали Михаилом Евгеньевичем Панариным, и он действительно ждал и боялся прихода незваных гостей, поскольку уже четвертый месяц был в бегах.

По телевизору шел какой-то мутный сериал без начала и конца. Раньше, в прошлой жизни, Михаил Евгеньевич сериалов не смотрел, высказывая свое негативное мнение о них в самых крепких и нелюбезных выражениях, какие только допустимы в присутствии женщин и детей. Но криво торчащая на крыше дачного домика самодельная рогулька принимала всего три программы, по двум из которых почти ничего нельзя было рассмотреть из-за сплошных помех. Выбор, таким образом, был невелик, и, помучившись с месячишко, Панарин обнаружил, что понемногу втянулся и даже начал переживать за героев очередной слезливой мелодрамы.

Если бы Михаил Евгеньевич имел склонность к отвлеченным рассуждениям и самоанализу, он пришел бы к выводу, что в этом нет ничего удивительного: человеку свойственно меняться и приспосабливаться к условиям окружающей среды. Подумаешь, сериалы! Того, что он в течение целого года проделывал с родными внуками, от него тоже никто не ожидал, и в первую очередь он сам, однако факт остается фактом: сначала начудил с пьяных глаз, потом понравилось, потом втянулся, а теперь – пожалуйста бриться...

Но Михаил Евгеньевич Панарин всю жизнь был человеком простым, конкретным и презирал пустую болтовню, даже если это была болтовня с самим собой. Отвлеченные материи его не волновали, копаться в себе ему и в голову не приходило, и именно поэтому, а вовсе не в результате каких-то там рассуждений, он не испытывал никакого удивления по поводу своей внезапно

проснувшейся любви к телевизионным сериалам. А чему тут удивляться? Что показывают, то он и смотрит. Сперва внучат воспитывал, как умел, теперь вот сериалы смотрит, и кому какое дело, чем человек занят в свободное время?

Свободного времени у него стало много с тех пор, как он вышел на пенсию – не по возрасту, а по выслуге лет. Служил он прапорщиком по тыловой части в ракетных войсках стратегического назначения и всю дорогу старался держаться поближе к своему складу и подальше от всех этих ракет, станций спутниковой связи, антенных полей и систем наведения, поскольку боялся, что они своими излучениями подорвут его мужское здоровье. И то ли напрасно боялся, то ли меры предосторожности оказались действенными, но, как бы то ни было, многолетнее близкое соседство с баллистическими межконтинентальными ракетами нисколько не повредило главной, наиболее ценной части его организма, в коей и заключалось упомянутое выше здоровье. По крайней мере, жена, пока была жива, на отсутствие мужской ласки не жаловалась, а жаловалась, бывало, на ее избыток.

Выйдя на пенсию, Михаил Евгеньевич отрастил себе бороду, пополнил и без того богатый набор рыболовных снастей и с головой ушел в рыбалку, лишь изредка отвлекаясь на то, чтобы отработать очередную суточную смену сторожем на автостоянке в ставшей за годы службы почти родной Йошкар-Оле. Он бы и не работал, да жена пилила – его пенсии ей, видите ли, не хватало, и еще не могла она по бабьей своей глупости понять, как это здоровый сорокапятiletний мужик может жить, не работая, и при этом чувствовать себя нормально.

Потом жена померла от сердечного приступа, не дотянув две недели до пятидесятилетнего юбилея. Панарин в это время был на рыбалке, а когда вернулся, предвкушая сытный ужин под чекушку и рутинную, но оттого не менее приятную, вечернюю процедуру под одеялом, обнаружил, что супруга уже остыла и даже окоченела, так что попользоваться ею напоследок уже не было никакой возможности.

Схоронив жену, он совсем ушел с работы и скромно зажил на свою военную пенсию и те сбережения, что хранились в глубине шкафа в жестяной банке из-под кофе. По жене он не горевал, хотя первое время отсутствие на шее привычного хомута вызывало у него какое-то странное чувство, схожее с неловкостью: в мире неспокойно, в стране кризис, народ вокруг только и делает, что друг дружке на жизнь жалуется, что же мне-то так хорошо? От одиночества Михаил Евгеньевич тоже не страдал – во-первых, не имел такой склонности, а

во-вторых, в любой момент мог найти себе компанию, благо соседи, знакомые и бывшие сослуживцы любили его за веселый и добродушный нрав и по праву считали душой компании. Вот только бабы не хватало: мимолетные отношения как-то не складывались, а жениться вторично, добровольно подставив шею под новое ярмо, он не согласился бы ни за какие коврижки, хотя желающих заполучить такого завидного, положительного, в меру пьющего мужа вокруг было предостаточно.

Впрочем, долго его одинокая жизнь не продлилась. Где-то через год после того как Панарин овдовел, его дочь развелась с мужем, отсудила у него детей, трехкомнатную московскую квартиру и солидные алименты, а потом позвала Михаила Евгеньевича к себе – присматривать за квартирой и нянчить внуков. Старший из огольцов, Андрюшка, пошел в первый класс, а младший, пятилетний Димка, уродился болезненным, и каждый его поход в детский сад оборачивался для мамы двухнедельным больничным, что, сами понимаете, грозило ей потерей работы.

Михаил Евгеньевич не имел ничего против того, чтобы на старости лет пожить в Москве, попробовать, какова на вкус хваленая столичная жизнь. Он продал квартиру в Йошкар-Оле, разом получив на руки сумму, какой прежде и в глаза не видел, и перебрался к дочери, где его уже ждала уютная отдельная комната.

Столичная жизнь на поверку оказалась не так хороша, как ему представлялось. О рыбалке пришлось забыть – выходные не в счет, да и какая рыбалка в этом их Подмосковье? Пенсии, которая по йошкар-олинским меркам считалась вполне приличной и даже завидной, в Москве хватало на неделю, сутками сидеть в четырех стенах было дьявольски скучно, а внуки, из-за которых он угодил в эту западню, оказались неслухами и горлопанам – вот уж, действительно, чертово семя! Дочерью они вертели, как хотели, и поначалу попытались взять в оборот и Михаила Евгеньевича. Но старший прапорщик Панарин был не таков и довольно быстро привел сопляков в чувство, не стесняясь иной раз прикрикнуть, а то и приласкать ладошкой по мягкому месту. Не привыкшие к такому обращению обормоты пытались жаловаться мамке, но та, видя неоспоримо благотворное влияние такого воспитания, их жалобам не вняла.

Пацаны оказались не только избалованными, но и упрямыми и развязали против деда настоящую партизанскую войну. Война эта с переменным успехом длилась недели две, то протекая в почти безобидной игровой форме, то обостряясь до открытого конфликта. И вот однажды, приняв перед обедом для аппетита

бутылочку плодово-ягодного и уже подумывая, не открыть ли вторую, Михаил Евгеньевич обнаружил в тарелке с борщом не одну и даже не две, а целых пять мух.

Ни о какой случайности не могло быть и речи, подтверждением чему стало доносящееся из-за угла прихожей сдавленное хихиканье. Слегка осатанев, прапорщик Панарин выскочил из-за стола, поймал первого, который подвернулся под руку (им оказался старший, шестилетний Андрюшка, без сомнения, являвшийся зачинщиком), перекинул стервеца через колено и сдернул с него штаны, намереваясь надавать хороших лещей, что называется, по голой совести.

И вот тут-то все и случилось. Беззащитность жертвы, которая заведомо во много раз слабее тебя, возбуждает. Уже успевшая ударить в голову бормотуха, надо думать, тоже внесла свою лепту в то, что произошло дальше, а внезапно разгоревшееся возбуждение уверило Михаила Евгеньевича в том, что пришедшая ему в голову мысль о не вполне традиционном наказании просто чудо, как хороша. Ну, и... Бес попутал, по-другому не скажешь.

Начав путать отставного прапорщика Панарина, бес не успокоился на достигнутом и продолжил свои проделки. Надлежащим образом запуганные и замороченные внуки помалкивали в тряпочку, а неожиданно обретший смысл жизни любящий дедушка постепенно, по мере того как в голову приходили свежие идеи, усложнял и совершенствовал свою новаторскую систему воспитания. Здоровье у него, как и прежде, было отменное, питался он хорошо, и пацанам приходилось несладко. Со временем дочь начала замечать, что сыновья боятся деда и не хотят оставаться с ним в квартире, но вразумительных объяснений они ей не дали ни разу, работу в богатой фирме терять не хотелось (ну, еще бы – кризис!), и мамаше было удобнее всего думать, что детям просто не нравится дедова строгость и установленная им военная дисциплина.

Это продолжалось целый год, но потом соседка, вечно сующая нос в чужие дела старая ворона, все-таки разговорила огольцов и пересказала все, что услышала, дочери Михаила Евгеньевича. Дать сколько-нибудь удовлетворительные ответы на вопросы, которые дочь задала, ворвавшись в квартиру после разговора с соседкой, было, пожалуй, невозможно. Панарин даже не стал пытаться что-то объяснить, а просто собрал вещи, отпихнул дочь с дороги и ушел.

Он не задавался вопросом, как это все могло случиться, а если бы кто-то его об этом спросил, с легким сердцем послал бы спрашивальщика куда подальше: случилось и случилось, а отчего да почему – не твое собачье дело. Сделанного все равно не вернешь, так что ж мне теперь – повеситься?

Хотя сам Михаил Евгеньевич ни тогда, ни сейчас не видел в своих поступках ничего такого, особо криминального, за его проделки полагался срок, и он об этом отлично знал. В колонию ему по вполне понятным причинам не хотелось, и он сделал все, что было в его силах, чтобы туда не попасть. В сущности, от него не так уж много и требовалось: спрятаться, затаиться и как можно реже попадаться на глаза ментам. Свою приметную рыжую бороду он сбрил сразу же, задолго до того как его бородатый портрет показали по телевизору на всю страну. О пенсии, понятное дело, пришлось забыть, как и о прочих благах цивилизации, для получения которых необходимо предъявить паспорт. Впрочем, он не особенно бедствовал: старых сбережений и того, что удалось выручить от продажи йошкар-олинской квартиры, при экономном расходовании должно было хватить надолго.

Ареста он, разумеется, боялся, но в то, что его могут найти, по-настоящему не верил. Ну, объявили в розыск; ну, разослали по всем отделениям милиции его портрет – тот самый, с бородой и с хитровой добродушной улыбкой до ушей, на который он теперь ни капельки не похож. Ну, пройдутся участковые по паре улиц в подмосковных поселках, расспросят словоохотливых старушек на скамейках, на том дело и кончится. Москва и Подмосковье – это ж, считай, целая страна, и притом густонаселенная, и искать в ней человека, который не хочет, чтоб его нашли, дело гиблое. Да и что он такое сделал, чего натворил, чтоб его всем миром, как бешеного волка, выслеживать? Никого не убил, не ограбил, а что побаловался чуток с мальчуганами, так от них не убудет...

Угрызений совести он не испытывал, а о дочери если и вспоминал, так разве что в пьяном виде, очень коротко и нелюбезно: «Ну, Верка, ну, сука! Родного отца!» Он жил, как растение – вернее, как животное, каковым и являлся на самом деле, – ни о чем не жалея, ни о ком не скучая, и уже начал заинтересованно поглядывать на мальчишку из соседней деревни, который каждый день привозил дачникам молоко на своем скрипучем, большом не по росту велосипеде. А что? Организму-то все равно, в бегах ты или нет, он своего требует – вынь да положь, а где ты это станешь искать, ему, организму, ни грамма не интересно...

Сериал по телевизору кончился, началась реклама женских прокладок. Подавшись вперед, к телевизору, Панарин вооружился плоскогубцами и, щелкая переключателем, проверил другие каналы. Вдоволь насладившись глухим шумом и мельтешением помех, он выключил телевизор, сунул в рот огрызок горбушки с недоеденным лепестком репчатого лука и, жуя всухомятку, поднялся из-за стола. Захватанная липкими пальцами бутылка перед ним уже опустела; в кладовке дожидалась своего часа еще одна, но, прежде чем принять окончательное решение по поводу ее судьбы, надлежало избавиться от последствий того, что было выпито раньше. Приторно-сладкая бормотуха настоятельно просилась наружу – слава богу, не через верх, а другим, традиционным путем, – и Михаил Евгеньевич не видел причин ее удерживать.

Закурив сигарету без фильтра, слегка покачиваясь, он двинулся к выходу с намерением внести свою лепту в круговорот воды в природе. В голове слегка шумело, но по-настоящему пьяным он себя не чувствовал и ничуть не боялся спиться, поскольку не имел склонности к алкоголизму – мог пить, а мог и не пить. Хотя пить, конечно, было не в пример приятнее, чем не пить. Да и чем еще заниматься в этой провонявшей плесенью и мышиным пометом берлоге, если не воевать зеленого змия?

Засиженное мухами зеркало на стене отразило его бледную после зимы, непривычно голую физиономию. Без бороды Михаил Евгеньевич себе не нравился. Раньше, пока служил в армии, он, конечно, тоже не носил бороду, ограничиваясь дозволенными уставом усами. Но за те шесть лет, что борода украшала его щеки, лицо под ней неуловимо и странно изменилось, сделавшись каким-то чужим и неприятным. У крыльев носа и по углам рта залегли глубокие, жесткие складки, придававшие ему угрюмый, прямо-таки злобный вид, нижняя губа брюзгливо выпятилась и все время норовила отвиснуть, как у верблюда, а глаза недобро выглядывали из-под нависших бровей, как парочка засевших в норках пауков.

Эта угрюмая протокольная рожа в зеркале не имела ничего общего с Михаилом Евгеньевичем Панариным – заядлым рыбаком, веселым выпивохой и балагуром, душой любой компании. Чтобы вернуть себе сходство с самим собой, прапорщик попробовал изобразить улыбку – ту самую, хитровато-добродушную, которой улыбался на знаменитой, показанной телевидением на всю страну и разосланной по всем отделениям милиции фотокарточке.

Результат превзошел любые ожидания: Михаил Евгеньевич испугался собственного отражения в зеркале. К его новому облику улыбка подходила не больше и не меньше, чем жабры или, скажем, моржовые клыки. Это выглядело нелепо, неестественно и прямо-таки неприлично, как если бы, справив малую нужду, он опустил глаза и увидел, что ему улыбается его лысый дружок. Панарин поспешно погасил улыбку, досадливо сплюнул и, скрипя отставшими от лаг разохшимися половицами, двинулся к выходу.

Попыхивая сигаретой, он спустился с шаткого скрипучего крыльца, отошел в сторонку и остановился на границе падающего из открытой настежь двери света и непроглядной тьмы. Приличия ради переступив эту четко обозначенную границу, прапорщик расстегнул ширинку своих камуфляжных брюк и некоторое время, сопя от удовольствия, поливал бурьян, которым от края до края заросли не возделывавшиеся на протяжении нескольких лет шесть соток. В кромешной тьме горели редкие цветные прямоугольники освещенных окон. Их было мало – во-первых, по случаю буднего дня, а во-вторых, местечко тут было непопулярное, наполовину заброшенное, что целиком и полностью устраивало находящегося на нелегальном положении беглеца.

– Меньше народа – больше кислорода, – ни к кому не обращаясь, вслух высказал свое мнение по этому поводу Михаил Евгеньевич.

Энергично встряхнув свое приличных размеров хозяйство, он стал деловито застегиваться. Косую полосу электрического света, что лежала на земле позади него, стремительно и беззвучно пересекла какая-то большая черная тень. Панарин этого не заметил. Прихлопнув на щеке раннего комара, он выбросил в темноту коротенький окурок, сплюнул в бурьян и вернулся в дом.

Кривовато висящая на ослабших петлях дверь была одновременно расхлябанной и разбухшей от сырости, что всякий раз превращало попытку закрыть и запереть ее в сложное упражнение, требующее терпения, сноровки и немалой физической силы. Пока Панарин, постепенно раздражаясь, проделывал этот силовой акробатический этюд, из неосвещенного угла под ведущей на чердак лестницей у него за спиной бесшумно выступила одетая в черное человеческая фигура. Язычок замка неохотно, с усилием вдвинулся в паз; обозвав его напоследок нехорошим словом, Михаил Евгеньевич начал оборачиваться, и тогда Чиж коротко и сильно ударил его по заросшему густым, рыжеватым с проседью волосом затылку рукояткой пистолета.

Отставной прапорщик рухнул, как бык под обухом мясника. Чиж проверил у него пульс и, убедившись, что жизни рыжего педофила ничто не угрожает (кроме самого Чижа, разумеется), присел на корточки и начал деловито распаковывать свою сумку.

Через пару минут руки Михаила Евгеньевича Панарина были крепко связаны за спиной, а рот забит грязной тряпкой. Чтобы пленник, очнувшись, не выплюнул кляп, Чиж прихватил его обрезком веревки, концы которой завязал узлом на затылке жертвы. Проверив узлы и убедившись, что приговоренный упакован вполне надежно, он сходил в кладовку, порылся там и вернулся, неся в руке ржавый топор. В грудке сваленных у печки поленьев нашлось подходящее по размеру. Схватившись, Чиж вынул из сумки купленный в магазине «Дачник» пластиковый дождевик, натянул его на себя и только после этого, вооружившись топором, принялся плотничать, придавая концу полена отдаленное сходство с заточенным карандашом.

Глава 5

Александр Леонидович Вронский взял верхнюю из лежащей на краю стола стопки одинаковых книг, откинулся на спинку кресла и, держа книгу перед собой на вытянутой руке, некоторое время не без удовольствия ее разглядывал.

Книга являла собой недурной образчик современной полиграфии. Называлась она «ЛИХИЕ 90-Е: ТРУДНЫЙ ПУТЬ НАВЕРХ» и имела красноречивый подзаголовок: «Исповедь олигарха». Автором значился некто Александр Вронский, портрет которого в сопровождении кратких биографических данных красовался на обратной стороне обложки. Александр Леонидович был сфотографирован на фоне закрытого вертикальными жалюзи окна у себя в кабинете, и вид у него на этой фотографии получился вдумчивый и значительный. «Как в жизни», – помнится, сказал фотограф, и в это хотелось верить.

Александр Леонидович, разумеется, ни в коей мере не являлся охочим до славы графоманом, которому не жаль отвалить за тираж любую сумму, лишь бы увидеть напечатанным на глянцевой обложке свое никому не известное имя. С изнывающими от безделья и по той же причине пачками подающимися в литераторы рублевскими женами у него тоже не было ничего общего, кроме

места жительства, да и книгу, если уж быть до конца честным, написал не он – вернее, не он один. Она стала плодом коллективного творчества; по ходу ее написания Вронский сменил четырех наемных авторов, и всех четверых загнал до полусмерти, как лошадей, придираясь едва ли не к каждой букве и заставляя по двадцать раз переделывать чем-то не понравившийся абзац до тех пор, пока тот не начинал его полностью устраивать. Он не видел в этом ничего странного: тот, кто платит приличные деньги за работу, вправе требовать качественного ее выполнения.

Книга, как явствовало из названия, была автобиографической. Все описанные в ней события и факты целиком и полностью соответствовали действительности; книга не содержала ни слова лжи, она просто о многом умалчивала. В ней было полным-полно занятых историй – иногда смешных, иногда грустных, порой просто жутких и неизменно поучительных, – в действительности происходивших с Александром Леонидовичем и его знакомыми в лихие времена становления российского капитализма и накопления начальных капиталов. Она читалась как увлекательнейший детектив и приподнимала завесу над множеством тайн, беспощадно выставляя в истинном свете деятелей политики и бизнеса, которые к настоящему времени либо уже умерли, либо мотали исторически значимые тюремные сроки, либо были выведены за скобки каким-то иным путем – разорились, сели на иглу, бежали за границу – словом, утратили и влияние, и перспективу.

О прочих, ныне здравствующих и ничего, кроме молодости, не утративших, книга повествовала сдержанно, без восторженных воплей и, упаси бог, лизания чьих-то седалищ, но в целом так, что читателю становилось понятно: все это люди умные, дальновидные, в высшей степени порядочные, а главное, радеющие не только и не столько о собственной мощи, сколько о благе России и ее многострадального народа. Их тайн Александр Леонидович в своей «исповеди» не касался: он еще не настолько выжил из ума, чтобы публиковать подобные откровения под своей фамилией.

Сдержанные, а потому выглядящие по-настоящему искренними похвалы Александра Леонидовича распространялись не только на людей, которые были ему полезны в настоящий момент или могли пригодиться в дальнейшем, но и на конкурентов по бизнесу и политической борьбе, и даже на самых ярых, заклятых врагов. Швыряться в соперника калом – работа специализирующихся на черном пиаре журналюг, а достойный человек и вести себя должен достойно, оставаясь в рамках приличий и демонстрируя уважение к оппонентам. Это спокойное

признание чужих достоинств и заслуг не только добавит очков самому Александру Леонидовичу, но и придаст дополнительный вес тому, что уже написали и еще напишут о его конкурентах продажные журналисты. Ведь всякому, кто прочтет его книгу, будет ясно: все эти газетные сплетни выдумывает и распускает не он, он на такое просто не способен. А раз единственный человек, которому выгодна эта грязная шумиха, к ней непричастен, поневоле задумаешься: а уж не правду ли пишут газеты? Дыма без огня не бывает, ведь верно?

– Снесла курочка яичко, – с подначкой провозгласил, входя в комнату, Марк Анатольевич Фарино. – И никак не опомнится от радости. Еще бы! Яичко-то не простое, а золотое! Сто тысяч долларов за тираж! Впрочем, все равно поздравляю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/voronin_andrey/slepoy-odin-v-temnote

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)